

724586

СЕРГЕЙ ВИКУЛОВ

ТОЛЬКО ПЯТЬ ДНЕЙ

С. ВИКУЛОВ

ТОЛЬКО ПЯТЬ ДНЕЙ

**Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва 1972**

Автор этой книги — известный поэт Сергей Викулов, чье творчество неразрывно связано с вологодской деревней. Наряду с поэмами «Трудное счастье», «Преодоление», «Окнами на зарю», «По праву земляка», «Против неба на земле», «Одна навек» и другими С. Викулов опубликовал, живя еще в Вологде, ряд очерков, отличавшихся глубоким знанием и пониманием проблем современной колхозной деревни. С особым вниманием писатель анализировал стиль и методы руководства колхозами, посвятив этой теме два очерка — «Поднимающие Красное Знамя» и «Только пять дней». Второй из этих очерков читатель найдет в предлагаемой книге.

Очерк «Так вот ты какая, Кубань...» — результат первой поездки писателя на Кубань летом 1970 года. В нем — и радость встречи с замечательными хлеборобами Кубани, и писательские раздумья о сегодняшнем и завтрашнем дне нашей колхозной деревни.

ТОЛЬКО ПЯТЬ ДНЕЙ

Две баржи с удобрениями, причалившие ночью у деревни Борки, были для председателя колхоза «Восход» Алексея Трофимовича Звонцова как снег на голову. Поначалу он даже растерялся: шутка ли! Восемьдесят тонн фосфоритной муки да суперфосфата! Удобрения, сказать правду, не из дефицитных, и колхоз в общем-то столько их и не просил, но... выбирать не приходится: на безрыбье, как говорится, и рак — рыба, надо выгружать.

Но как?

Позвонил соседям. Директор совхоза ответил, что он причитающиеся ему сорок тонн «выбросит» вручную, председатель колхоза «Заречье» вообще не собирался выгружать, артачился: «Не мое это дело. «Сельхозтехники». Выгрузит на берег — как-нибудь увезу».

— Ну, гляди... — ответил ему Звонцов. — Не просчитайся! Останешься последним — будешь платить за простой баржи.

В кабинете председателя, как всегда, людно. Тут и Климов — секретарь парткома колхоза, и рядышком бригадиры Журавлев и Петин, и агроном Морозова... Все прислушиваются к телефонному разговору, и каждый думает о своем. Бригадир Егор Нестерович Журавлев хмурит сильно отросшие брови, закидывает то левую ногу на правую, то правую на левую — догадывается, к чему клонится дело: опять продуманный накануне

план работ полетит к черту! Он даже злится, глядя, как, отбрасывая назад голову с прижатой к посеребренному виску черной трубкой, Звонцов хохочет, приговаривая:

— Заплатишь! Я тебе точно говорю! Что? Карман с дырой? Найдешь... Ха-ха-ха!

«Вот черт! — думает Журавлев, любуясь ровными белыми зубами председателя. — Ему ровно и дела нет, что приостановится скирдование соломы, а гли-ко — погода какая стоит...

В полдень припекает — что тебе летом! Скирдовать бы да скирдовать. Ужо, чем коров-то кормить станем? Силоса нет — всего по три тонны на корову... Сгорели ноне силосные, сгорели. Земля-то вон и теперь все еще как каменная. Трактористы по пять-шесть лемехов за смену выбрасывают — начисто стираются! Из-за этого и зяби еще много не поднято. Да и рожь не вся посеяна: шестьдесят четыре гектара ждут своей очереди. И это только в первой бригаде!»

Председатель, все еще улыбаясь, положил трубку на рычаг и, как всегда, громко спросил:

— Ну, что голову повесил, кавалерист?

Кавалеристом председатель называл его не случайно: Журавлев всю войну отстукал в кавалерии, три раза был ранен и сейчас без коня — ни шагу. Стороной Егор Нестерович слышал, что его еще и иначе называют: «Егорий Победоносец». Слышал, но виду не показывал, что знает. И хотя ему нелегко уже взбираться в седло — пятьдесят четыре стукнуло! — а на другой вид транспорта пересаживаться оп не собирался... Правда, попытка такая была.

Купил как-то председатель мотоцикл — ижевский, двухцилиндровый. «Давай, Егор Нестерович, осваивай. В космический век бригадой руководишь — и надо скорость передвижения привести в соответствие с веком».

Хотя и мудрено иной раз говорит Звонцов, а коли до сути докопаться, всегда в точку! В самом деле: в бригаде около двух десятков деревень... Тысяча сто гектаров пашни в обработке... Раньше, если припомнить, три колхоза, а еще раньше — семь колхозов на этой земле размещались! Попробуй, обскачи быстро, когда потребуется, такую бригаду! Даже на лошади.

И Егор Нестерович решил попробовать. Выбрал маршрут подальше от глаз, тронулся. Сильно не газовал и

ехал более-менее благополучно: все-таки когда-то и на тракторе и на комбайне работал. Не заметил, как и до ручья докатился. А к ручью-то склон... Надо бы на тормоз нажать, а он на газ даванул... Впрочем, об этом он догадался уже потом, когда выжимал штаны на противоположном берегу и, все еще вздрагивая, поглядывал на безжизненно растянувшийся на траве мотоцикл.

На этом закончилась его возвышенная мечта «привести в соответствие с веком скорость передвижения». Притащил он, как быка за рога, мотоцикл к конторе и сказал председателю: «Не буду... На лошади быстрее». Звонцов, как всегда, заливисто расхохотался и передал машину секретарю парткома Климову: ему тоже скорость необходима.

А Егор Журавлев так и остался «кавалеристом», «Егорием Победоносцем». Был ли похож он на Егория Победоносца — неизвестно, поскольку никто Егория в натуре не видел, но на донского казака смахивал крепко — все видали картину «Тихий Дон». Сходство это подчеркивала не столько его, так сказать, профессиональная кавалерийская посадка в седле — чуть-чуть бочком, подчеркнуто небрежно — сколько черная фуражка с туго натянутым верхом, черным околышем и черным блестящим козырьком, купленная в магазине у речников. Да и обликом Журавлев здорово смахивал на казака: сильно выдающийся с горбинкой нос, большие навывкате глаза, а в общем, было в его физиономии что-то ястребиное — посмотришь и скажешь: «Лихим, видать, рубакой был мужик!»

— Придумал че? — вопросом на вопрос отвечает он председателю. — А то, что не ко время баржа эта прикатила...

— Ничего, Егор Нестерович! — явно не принимая всерьез того, что говорит бригадир, восклицает Звонцов. — Слушай, что скажу. Завтра с утра — все машины и трактора с тележками к реке!

— Трофимыч! А може, вручную все-таки? Совхоз же...

— То — совхоз! — резко перебил бригадира Звонцов. — Совхоз может и вручную: деньги, как говорится, глаз не имеют... А мы не можем. Понял?.. — и отвернулся. — А ну, кто там? Кликните сюда механика!

Лужков явился незамедлительно: его «кабинет», завешанный схемами устройств машин, заваленный нужными и ненужными деталями, находился здесь же, в левой половине дома.

— Готовь, Герман Арсентьевич, навесной погрузчик. Утром — к реке: будем выгружать удобрения.

Секретарь парткома обеспокоенно:

— А ведь мы с тобой хотели провести завтра совещание животноводов... Если тебя не будет — нет смысла. Да и доярки без тебя не захотят.

— Отложи, Андриюша. Выгрузим удобрения — тогда... И обязательно сабантуй небольшой дояркам устроим. Пусть попляшут... Заслужили. Только вот где? Клуб, клуб нужен!

— Может быть, в совхозе? Далеко ли — пятнадцать минут на машинах.

— Добро! — и повернулся, чтобы идти. Но дорогу загородил бригадир второй.

— Трофимыч! Как же мне-то? Столько еще льну не околочено... Может, оставить один трактор? Такая погода! Да и студенты пока не уехали...

— Нет, Петин, нет! Надо вырвать удобрения... Так что — распорядись! А я сейчас к речке подскочу: погляжу, где удобней баржи поставить. — И, сильно нагнувшись, нырнул в широко распахнутую дверь.

ИМЯ председателя колхоза «Восход» Звонцова было широко известно не только в районе, но и в области. Он был чуть ли не последним из тридцатитысячников, прибывших сюда из Москвы и Ленинграда в 1955 году. Колхоз, возглавляемый им, действительно набирал высоту, увеличивал производство продукции. О нем писали в газетах, говорили по радио, а издательство выпустило даже брошюру, автор которой отдал должное — и справедливо — личным заслугам Звонцова в подъеме «Восхода», дважды укрупнявшегося за счет слабых, доведенных до развала хозяйств.

Бывший старший мастер одного из подмосковных заводов, Звонцов раньше других и острее других понял, что в таких колхозах, как «Восход», где безлюдье действительно-таки удручающее, надо начинать с механизации всех, и в первую очередь наиболее трудоемких работ. Впрочем, понимание неотложности широкой механизации производства было, конечно, и у других председателей, но не каждый так знал и так любил технику, как Звонцов, — и в этом было его преимущество. Именно знание техники, творческое отношение к ее применению и сыграли решающую роль в первых успехах колхоза.

Начал Звонцов с механизации подачи воды на фермы. Не ахти какое мудрое дело — автопоилки, а все равно в помощники взять было некого. Засучив рукава, сам принялся нарезать трубы, обучая одновременно этому делу колхозного кузнеца.

Доильные установки на фермах, а затем, один за другим, два зернотока монтировать было уже легче: к этому времени сформировалась хотя и немногочисленная, но своя монтажная бригада во главе с коммунистом Варзиным. Люди, пришедшие в эту бригаду, волей-неволей становились специалистами, так сказать, широкого профиля. Жизнь выдвигала перед ними все новые и новые задачи. Покончив с зерносушилками, они принимались за проводку электросети и монтаж электрооборудования, а после — за сооружение скирдователя соломы, сконструированного самим председателем, специальной волокуши, с помощью которой стог сена или скирда соломы стали переезжать с поля к ферме целиком, в неразобранном виде. Была придумана волокуша и для растаскивания навозных куч на поле, представляющая собой конструкцию из рельса и старой тракторной гусеницы.

Простейшие сооружения! А сколько человеческих рук заменили они! Например, скирдователь соломы. На прицепе у трактора «ДТ» косилка Е—0,62, выполняющая здесь роль подборщика соломы (режущий аппарат снят), и скирдообразователь — широкие бревенчатые сани с высокими тесовыми стенами и дном из металлических продольных прутьев. По транспортеру подборщика солома из валков попадает в камеру скирдообразователя. Там двое-трое мужчин с вилами: они солому разравнивают и трамбуют. Готовую скирду трактор оттаскивает на край поля, к дороге. Люди открывают заднюю стенку скирдообразователя, трактор трогается, скирда остается на месте.

Творческая мысль Звонцова не знает покоя. Ему буквально становится не по себе, когда он вдруг увидит, что какую-то работу люди делают, как в старину, вилами, лопатами, ведрами. Он механизировал даже разгрузку навоза и минеральных удобрений из бортовых мапгин, сконструировав для этой цели легкую бульдозерную навеску на трактор «Беларусь». И теперь шофер, доставив груз в назначенное место, открывает борта, а трактор с навеской одним толчком освобождает кузов.

С самых первых дней колхозники видели своего председателя чаще не в костюмчике и при галстукке сидящим в конторе, а в неизменном брезентовом плаще, с

гаечным ключом в замасленных руках, на ферме, у трактора, в мастерской... По району, а потом и по области о нем прошла слава как о руководителе, который действительно широко внедряет механизацию на всех участках производства. В душе Звонцов гордился этой славой и не то чтобы зазнавался, а нет-нет, да, бывало, и скажет мужикам по поводу какого-нибудь дела: «Черта с два у вас что-либо вышло бы без меня!» Верно, в первые годы так оно и было. Но теперь-то... Теперь в колхозе имеются опытные мастера, которые многое могут сделать самостоятельно. Однако, нетерпеливый и горячий по натуре, Звонцов и теперь во все, что касалось машин, вмешивался лично, вникал во всякие мелочи, и механизаторы, если случалась какая-нибудь поломка, шли прямо к нему, и он тут же принимал решение, подчас неверное, поскольку не все знал, что положено знать механику, непосредственно отвечающему за сбережение и ремонт техники.

Во всем этом сказывалась, конечно, привычка — председательствовать-то он начал в ту пору, когда никаких механизаторов в колхозе не числилось, машины находились в руках МТС, и ему волей-неволей все вопросы, связанные с механизацией, приходилось решать самому. Да и не было в этом греха — колхоз был небольшой, и он без особого труда везде успевал сам.

Впрочем, сказывалась не только привычка — сказывалось укоренившееся с тех пор чувство превосходства, и не только в делах, касающихся машин...

Наступала зима — он сам брался за распределение кормов, составление рационов, не замечая, что подменяет тем самым зоотехника, снимает с него ответственность, ставя его в позицию стороннего наблюдателя. В таком же положении в общем-то находилась и агроном Морозова, хотя эта характером была крута, на язык остра и за свои права все-таки боролась.

Бригадиры — а бригад в колхозе три — признавали и побаивались только его, Звонцова. Указания механика, агронома, зоотехника, не подтвержденные «самим», для них ничего не значили или, во всяком случае, не подлежали безусловному и немедленному исполнению. А так как «сам» везде и всюду не успевал — да он и не мог успеть в таком огромном хозяйстве, каким был «Восход», — неудачи, случавшиеся то в одном, то в другом месте, жестоко били по председательскому самолюбию.

Так было, например, с внедрением беспривязного со-

держания скота. Обычно расчетливый и предусмотрительный, на этот раз, поддавшись уговорам («Кому-кому, а тебе не к лицу быть консерватором!»), Звонцов очертя голову начал строительство огромного типового скотного двора для беспривязного содержания коров с доильной установкой «Елочка».

Пока двор строили, выяснилось, что заготовить и особенно высушить торф для глубокой подстилки практически невозможно, а без подстилки вся эта затея пустой звук, и о ней в общем-то никто уже теперь и не вспоминал. Кроме того, для такого типа кормления скота нужно было иметь достаточное количество кормов, а их не было... И пришлось двор перестраивать. Колхоз потерпел убыток. И не малый. А ведь раздавались трезвые голоса: «Потонут коровы в грязи. Да и корму не хватит».

Не прислушался. И отступил... А отступить Звонцов ох как не любил!..

У ПРИСТАНИ Борки в Сухону впадает небольшая речушка Ветла. В устье этой речушки колхоз «Восход» держит небольшой катерок и железное суденышко, прозванное «галошей», поскольку оно действительно похоже на галошу.

Берег Ветлы, затопляемый в половодье, летом обычно сухой и высокий. «Восход», а также примыкающие к нему два колхоза и совхоз каждую осень здесь грузят на баржи скот, продаваемый государству. Здесь же они и выгружают все, что привозят из города: машины, кирпич, концентраты... Мучаются, конечно. Никакого причала нет, а баржи к берегу близко не подходят. Надо бы причал построить, да кто будет строить? Свои плотники перевелись, а коли «волки» владимирские забредут — других неотложных работ хватит. И хотя «волки» рвут втридорога, а все-таки в прошлую зиму какой-никакой клубишко собрали, да еще и овчарник поставили. Вот райпрокомбинат рамы сделает, и можно будет в клуб вселяться...

Глянув на баржи, Звонцов понял, что и их для разгрузки придется ввести в Ветлу. На «галошу», соорудив на ней настил, можно загнать «Беларусь» с навесным погрузчиком, и, если «галоша» встанет между баржей и берегом, работать будет можно.

...Утром следующего дня к устью Ветлы двинулись автомашины, покатались трактора с прицепными тележками. Туда же с лопатами, топорами, поехали все мужики.

Деревни опустели. Только у церкви с разваленной колокольней и двумя из пяти куполов, под которыми размещалась мастерская («Восход» купил ее вместе со всеми станками у МТС), возле трактора «Беларусь» с навешенным погрузчиком все еще толклись тракторист Саша Яблоков, механик Лужков, секретарь парткома Климов, сам Звонцов и его шофер. Яблоков уже трижды заводил мотор, двигал по очереди всеми шестью рычагами управления погрузчиком, но никаких признаков жизни последний не обнаруживал. Определить причину было не так-то просто: погрузчик чуть ли не два года стоял вот тут, под открытым небом, и был, как привыкли говорить сами механизаторы, основательно «раскулачен». Самый главный механизм его — распределитель — и тот был снят. Теперь его нашли и вернули на место, но... в нем-то как раз и была, видимо, «зарыта собака».

«А впрочем, кто его знает!» — ломая голову в догадках, думал Звонцов. Еще не веря в то, что погрузчик закапризничал всерьез, он поначалу только наблюдал за усилиями механика, давая кое-какие советы, но потом, выругавшись, сбросил плащ и принялся орудовать гаечным ключом.

Стрелки часов двигались невероятно быстро. Двенадцать... Час! Два!!

От баржи прибыли двое нарочных:

— Трофимыч, дак что делать? Будет погрузчик али нет?

— Будет. Кровь из носу, а будет! — вытирая лоб тыльной стороной ладони, с поткой отчаяния ответил Звонцов. — Делайте пока настил для трактора.

Потом, постояв с минуту в раздумье, схватил пригоршню опилок — рядом была установлена пилорама, — вытер масляные руки, стремительно двинулся в контору. Решил позвонить в отделение «Сельхозтехники»: не найдется ли там распределителя? Но не тут-то было! Чуркин не отвечал. «Девушки, милые! — просил он телефонисток. — Подскажите, где он может быть? На складе? А ну, давайте склад. И склад не отвечает? О, черт бы их побрал! — Бросил трубку. — Все равно найду! Из-под земли достану!»

Выбежал на крыльцо.

— Женья! — крикнул шофера. — Поехали!

— Куда?

— В «Сельхозтехнику».

— Да ведь суббота сегодня, Алексей Трофимыч!

— Ну и что?

— Как — что? За грибами все ушли наверняка: короткий день!

— Какой еще там «короткий» день... Уборка в разгаре. Поехали!

Вернулись они уже ночью. Чуркин и в самом деле ездил за грибами. Завскладом — тоже. Пришлось ждать. Распределителя свободного не оказалось: откуда-то сняли...

Утром, в воскресенье, опять все собрались у погрузчика. Быстренько сняли свой распределитель, поставили привезенный. Звонцов в приподнятом настроении рассказывал Климову, кивая на распределитель:

— Не хотели, черти, снимать. Чуркина, как девушку, целый час уговаривал. — Председатель верил, что теперь погрузчик наверняка наладится. И, как вчера, сегодня снова отдал распоряжение держать наготове и людей и машины.

Саша завел трактор, шевельнул рычаг, второй... пятый... Стрела чуть-чуть расправилась и замерла. Тронул еще рычаг — на столько же ровно сжалась.

Звонцов, еще не веря своим глазам, подскочил к рычагам, судорожно начал их дергать сам. Но результат был тот же...

— Живой, а не шевелится, — сказал кто-то. Народу вокруг собралось много: сегодня к реке отправляться никто не спешил. И, пожалуй, благоразумно. Саше Яблокову и механику Лужкову пришлось начать все сначала.

Только к вечеру они установили, что в корпусе привезенного распределителя не хватает пустяка — маленького поршенька. Нужно было попытаться выточить его. Но, во-первых, нет образца, а во-вторых, уже и стемнело. Решили оставить до завтра.

У КРЫЛЕЧКА конторы, прибитые спинками к штатетнику палисада, стоят две скамейки. На вид им не год, конечно, и не два, но и не больше, чем самому дому — двухэтажному, опущенному тесом, принадлежавшему справному мужику, высланному куда-то в тридцатом году. В колхозе, пожалуй, не найдется теперь человека, который не сиживал бы хоть раз на одной из этих скамеек — то ли в ожидании председателя, то ли в перерыве заседания правления, то ли перед началом партсобраний — партком занимал верхний этаж.

Чаще занятыми скамейки бывают, конечно, по утрам. Утро — дню начало. А каков будет день — ведреным али дождливым — только утром можно увидеть и, в зависимости от этого, решить или перерешить, кому и чем следует заняться. И у мужиков, особенно первой бригады, стало привычкой с утра, прежде чем начать дело, повернуть к конторе и выкурить на скамейке одну-две самокрутки.

Каких только разговоров, откровений, жарких споров не слышали эти скамейки! Вот и сегодня ни на которой из них нет даже краешка незанятого, где там! Многие даже стоят, подперев плечом палисадник, на котором сейчас развешаны авоськи с завернутой в газетки снедью, хозяйственные сумки и даже один ученический портфель, перевязанный веревочкой. Курят большинство махорку. А коли кто-то достает сигареты — к пачке протягивается сразу до десятка рук. После махорки они, как трава, баловство одно... Но раз угощают, почему не взять.

Разговор все о том же: о неисправном погрузчике, о пропавших ни за грош-копейку двух дней. Тракторист Саша Яблоков, оправдываясь перед мужинами, хотя и не винят его, говорит:

— Работал погрузчик... Хорошо работал! Вы и сами помните. Бывало, скажут: бургт силосный закрыть... Так я за полчаса его навешивал, и схал, и закрывал бургт. А теперь...

Яблокова перебивает шофер Мотков, отрубая каждое слово взмахом руки, кричит:

— Погрузчик работал бы и теперь, и никто бы его не раскулачил, если бы он был прибран!

— А куда?

— На кудыкипу гору... Гараж вон стоит — почему удобрениями загадили? А сколько овинов было?! Больше, чем домов! Где они?

— Полно! Овины... — горячо возражает шоферу единственная сейчас среди мужчин Вера Степина — заведующая складом горючего и запчастей. — Да от вас, чтобы уберечь, не овины нужны, а замки пудовые, да еще и решетки железные! Вон Вася Сударкин да еще Алеша Нелаев мимо не пройдут, чтобы не стащить с машины чего-нибудь.

Дружно захохотали: «ловкость рук» этих шоферов была всем известна.

— Да, что верно — то верно. Уж коли Сударкин воз-

ле машины стоял, гляди: что-нибудь да взял. Взаимообразно, конечно... Без отдачи!

Сударкин — чудаковатый мужик, настроенный равнодушно, отшучивается:

— Вот дьяволы, вот дьяволы... Навалились-то как на меня! А при чем тут я? Были бы запасные части на складе, разве бы взял?..

— Видите? Сударкин смеется! — опять решительно вмешался шофер Мотков. — А вот бы взять да взыскать с него — тогда бы не до смеху было! Я попадусь — взыскивайте и с меня! На полную катушку! Честное слово, не обижусь. Но и брать больше не стану. А то как бывает? Сломалось что-нибудь на машине, говорят: ищи! А где найдешь? Берешь с другой машины. Так ведь тебя не только не спросят, где взял, не только не выругают, а, наоборот, по плечу похлопают: «Вот молодец! Нашел!» — И, оглянувшись, добавил: — А с погрузчиком как было?..

Председатель в это время вышел из мастерской вместе с бригадиром монтажников Варзиным. В другой раз он обязательно подошел бы, услышав шумный разговор в «курилке», но сейчас ему было не до «трепотни», как он иногда выражался. Едва включили токарный станок, чтобы попробовать выточить недостающий в распределителе поршеньек, в сети произошло замыкание. Колхоз месяц как подключился к государственной линии, и, видимо, не все еще устоялось, притерлось.

Глянув, как Звонцов с Варзиным мечутся в поисках повреждения, Вася Сударкин сказал:

— Интересно, сколько за простой баржи придется платить? Не мало, поди-ка...

Об этом теперь думали все. И хотя шофер Мотков с деланным безразличием заявил, что его лично это несколько не беспокоит, так как в общем-то ничего не изменится: в одном кармане убавится, в другом прибавится, а ему, что положено, все равно отдадут, было заметно, что никто всерьез слов его не принял...

— А совхоз уже выгрузил свою долю. Вручную, — сказал многозначительно Журавлев.

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ позвали к телефону. Угрюмый, больше обычного ссутулившийся, он крупно прогромыхал огромными сапожищами между двумя скамейками и, ни на кого не глянув, вошел в контору. Кассирша вскочила с

места, предлагая ему стул, — не сел. Взял трубку, опустился на корточки, спиной к стене.

— Слушаю... — сказал устало.

От дверей, обрадовавшись, что дождалась-таки, прошла и села на стул, освобожденный для председателя, бабка Елена Заботина. Все женщины, а их за столами сидело трое: счетовод, кассир, экономист (бухгалтерша была в отпуске), улыбнулись, так как знали характер бабки Елены. Уж если она что задумает — не отступится, не сробеет ни перед кем. Елена Алексеевна всю жизнь работала, работала на совесть и цену себе знала! Все председатели боялись в свое время Елены Заботиной и отдавали должное острому, как нож, ее правдивому языку.

Сейчас Заботиной шел семьдесят второй год. И хотя она еще понемногу работала, теребила да расстилала лен и в хлебе насущном нужды не испытывала, а о будущем все-таки тревожилась: мол, вдруг да совсем занеможет! Ведь годы-то быстро идут...

Она своими ушами слышала постановление о пенсиях и с тех пор спать ложилась и вставала с одной мыслью: а какую дадут пенсию ей?

— Вишь ты, по заработку за последние пятнадцать годов назначать будут, — делилась она своей тревогой с другими старушками. — А как их теперь, эти заработки узнаешь? Сколько раз колхоз укрупнялся — бумаг-то прежних и днем с огнем топереча не сыщешь... Да и найдешь, так что толку? Велики ли заработки были? Не то, что топереча.

И все же справкой о прежней своей работе Елена Заботина решила обзавестись. Пришла она недавно к старику Агапитову — бывшему счетоводу еще того, маленького колхоза и, как тот ни оборонялся, заставила-таки его взять перо в руки. Поскольку и раньше счетовод со смыслом писал только цифры, одни цифры, пришлось верховодить самой. Она говорила, а Агапитов записывал. Вышло следующее:

«Справка для пенсии Заботиной Елене Олексеевне в том, что с первых начала дней работала дояркой 14 годов, 3 года конюхом, 4 года телятницей, год овчаркой, по четыре зимы возила навоз, а летом в полеводстве, а остальное тоже в полеводстве и теперь не покидая рук работаю в колхозе. Работала звеньевой.

Агапитов счетовод».

На другой день Елена Заботина уговорила подписать еще свою сверстницу, бывшую доярку Рачкову —

на всякий случай — ведь одной подписи, может, и мало будет...

Теперь справка бабке Елене нравилась. Главное подписи были надежные: и Агапитов, и Рачкова хорошо знали и помнили всю ее жизнь. Но кто-то ей сказал, что справка эта, пока на ней нет круглой печати, полной силы не имеет. Вот Елена Алексеевна и пришла в контору попросить председателя поставить на справку круглую печать.

— Да, да! — кричал в трубку Звонцов. — Делаем... Не получится — на прямую придется соединить. Черт с ним! Операции раздельно будет производить — и только. Что? Если успеем, сегодня начнем...

Бабка совсем не понимает, о чем говорит председатель, да и не пытается понять. Она про свое толкует:

— Первой дояркой по району была... В газетах заметки печатали. На совещаниях рядом с секретарем не три ли раза сидела, вниз по реке, почитай, во все колхозы ездила, других учила... Теперь-то нешто на дворе работать — все подвезут. А тогда? И корм, и воду, и навоз — все вот этими. — Бабка показала скрюченные, узловатые пальцы. — Ой, поворожали да потаскали!.. И ноне пятьдесят четыре сотки льну выдергала, да шестьдесят разостлала, да околачивать помогала. А ведь у меня вторая группа... Вот гляньте-ко, милые. — Она отворачивает полу старомодного, неопределенного цвета пальто и показывает на выпирающий живот: — Грыжа. Семнадцать годов картошки не едала. И охота — вот как охота, а как только хоть одну картошину съем — так и капут... Трофимыч! Ты постой, постой. — Взяла за полу пиджака поднявшегося было председателя. — Ведь я тебя жду-то. Убежишь — скоро ли опять тебя увидишь... Вот, почитай-ко, милой. — Подала справку. И все глядела из-под нависших век на председателя, пока тот не кончил читать.

— Поставь, милой, печатку. Четыре версты старуха тошала... Поставь!

Звонцов улыбнулся, как улыбаются наивности ребенка, сказал:

— Бабушка! Да не нужна пока эта справка. До первого января пенсии все равно не получите. Подождите немножко: будет создана комиссия, она и решит.

— Комиссия — это потом... А ты сейчас, батюшка, поставь... — И со слезами в голосе: — Вон приехали из Ленинграда Анна да Овдокия. Как барони, за ягодка-

ми да за рыжичками похаживают. Пойдемте, кричу им, лен стлать! А они только ручкой махнут. «Полно тебе, Елена, полно убиваться-то! — скажут. — Все одно пенсия одинакая будет, что нам, что тебе». Нет, милые! Вы в Ленинграде по пять годов прогуляли, а я все в колхозе работала. Это разве одинаково? У меня на войне два сына убитые, мне не к кому в Ленинград ехать... Давай, Трофимыч, поставь печать-то...

— Бабушка, я еще раз говорю вам: не нужна эта справка! Да и печать не для того, чтобы шлепать ее на всякую филькину грамоту.

— Эт-то как же, батюшка, «филькину грамоту»?! — выпрямилась Заботина. — Да ведь тут вся моя жизнь написана, ни единого слова неправильного нету! Да коли надо, вся деревня под справкой подпишется!

— Ну, хорошо, хорошо... — поняв, что выразился неосторожно, сдался Звонцов. — Девушки, перепишите справку. Пусть бабушка успокоится.

— И печать поставишь?

— Поставлю...

— Ну и ладно, батюшко. А далеко ли ты побежал-то?

— Не обману, бабушка, не беспокойся.

ОКОЛО полудня погрузчик, наконец, ожил. Правда, подъем и поворот стрелы он производил отдельно, но и тем уже все были довольны. Сапша Яблоков сделал пробу, подняв пять-шесть ковшей опилок в бортовую машину. Получалось неплохо, хотя не было необходимой плавности: рывок кверху, рывок в сторону, Звонцов от радости — сам не свой. По его распоряжению снова все машины, все тракторы с тележками покатались к реке.

Пошел туда, наконец, и погрузчик.

Пять километров — не велико расстояние. Тем более что дождей давно не выпадало — нет худа без добра! — и дорога была вполне проезжей, хотя и ухабистой. Через час на берегу Ветлы было шумно илюдно. Звонцов, балансируя по бревнышку, перекинутому с берега на борт катера, пробрался в рубку, завел мотор и бортом причалил к «галаше». Ловко маневрируя, развернул ее поперек реки, кормой к берегу, потом выскочил из рубки и бросил чалку. Перекинув с кормы на берег два бревенчатых трапа, прился стучать топором, вбивая огромные гвозди в доски настила. «Беларусь» с погрузчиком должен был въехать на настил задом. Звонцов,

держа ладонь ребром перед носом, командовал Саше: «Прямо... Стоп! Чуть влево! Хорошо... Стоп! Так...» Он волновался: малейший просчет — и трактор полетит за борт.

Однако все обошлось благополучно: трактор стал точно по центру, а плиты опор погрузчика легли как раз на борта.

Теперь «галошу» надо было поставить вдоль берега, а к ней вплотную подогнать баржу с удобрением. Звонцов снова в рубке катера. Закончив и это дело, он спрыгивает на берег и подходит к мужикам. Те, от нечего делать, покуривают, лежа животами на земле.

— Дайте закурить, хлопцы! Нет, сигарету не хочу. Махры дайте!

Став на колени, он заворачивает огромную сигарку, а глазами все на баржу стреляет. Сейчас Саша Яблоков будет пробовать. Послунявив сигарку, Звонцов резко приказывает шоферу Моткову:

— Подъезжай!

Машина медленно начинает опускаться кузовом к реке. Битый кирпич, заранее набросанный в колеи, мягко исчезает в жидком грунте под тяжестью колес. А машина опускается все ниже и ниже, до самой воды: иначе погрузчик не достанет до кузова. Становится очевидным, что самостоятельно ей, да еще с грузом, обратно не выехать. И Звонцов приказывает стать напротив машины гусеничному трактору с тросом.

Теперь все. Теперь можно начинать. Ковш широко раздвинул зубастые челюсти и опустил в трюм баржи, медленно откусил верхушку вороха и пошел на подъем... И — о ужас! Удобрение, как вода, потекло из ковша. Над баржей, все увеличиваясь, поднялось огромное облако, скрывшее и трактор с погрузчиком, и людей, стоявших на барже и рядом. Тракторист Яблоков, прикрывая нос рукавом фуфайки, какую-то секунду растерянно глядел на эту картину, потом торопливо передвинул рычаги, и ковш, продолжая терять груз, поплыл над «галошей» к кузову машины. Дойдя до него, резко дернулся, словно стукнулся о невидимую стену, и разжал челюсти. Тотчас вся машина окуталась белесым облаком: удобрение сыпалось через щели кузова. Шофер Мотков, выкрикивая: «Задушит... дьявольщина!» — пулей выскочил из кабины. На воде возле «галоши» образовалась плотная пепельно-серая пленка. В кузов попала едва ли половина зачерпнутого груза.

Звонцов, не докурив сигарку, рванулся прямо в белесое облако. «Неужели все напрасно?» — мелькнула мысль.

— А ну, Саша, давай еще. Не бери много. Так... Стряхни часть. Дай закрыться ковшу. Плотнее!

Саша делал все, что требовал Звонцов, но удобрение продолжало сыпаться. И из ковша, и из кузова.

Глазевшие с берега мужики обменивались репликами:

— Мука! Недаром сказано...

— Не мука́, а му́ка, чтоб ее...

— В мешках бы, что ли, присылали. Ведь и половины не попадет на поле.

— А Сашка-то. Отравится, черт! Ей-бо, отравится...

Ей, как ты там, мельник?

Яблоков в самом деле был похож на мельника. Побелела даже замасленная фуфайка. Он что-то ответил и, хотя никто не расслышал, но каждый понял его и почувствовал... Но что же было делать? Не отступать же теперь, когда... И Саша продолжал ворочать рычагами, и было похоже, что он стал бы делать это даже тогда, когда бы вокруг была не эта едкая пыль, а дым и пламя.

Удобрение оказалось очень тяжелым. Машину еще и наполовину не загрузили, а рессоры выпрямились, кузов осел. Подтащили конец троса, зацепили за передний крюк машины.

— Пошел!

Трос натянулся, как струна, передок машины буквально сел на ось от натяжения, а сама машина с места не трогалась. Трактор патужилась что было сил. Казалось, сейчас он раздернет машину на две части. Но нет, та, наконец, стронулась и вылезла-таки на сухой берег.

Теперь, прежде чем подогнать к погрузчику следующую машину, надо было поправить колею, снова завалить ее битым кирпичом. Первым за это дело взялся Климов — падо же было хоть что-то делать. К нему присоединился шофер и еще двое...

В это время, круто развернувшись, у самой кромки берега остановился «газик». Краешком глаза Звонцов видел, что приехал кто-то из управления — один в зеленом костюме и коричневых туфлях, другой в светлом плаще и начищенных сапогах, — но сделал вид, что не заметил, и продолжал заниматься своим делом. К реке спустилась вторая машина, и погрузка началась. Двое из управления смотрели, качали головами, то и дело

показывая рукой в сторону погрузчика. К Звонцову же не подходили: знали, видимо, каким он бывает в подобных обстоятельствах.

Ковш выбрал яму с краешка трюма, а дальше не доставал. Звонцов схватил лопату, прыгнул вниз и начал подгребать удобрение к ковшу. Климов — тоже: он неловко чувствовал себя без дела. А мужики все в той же позе — животами вниз лежали на берегу. Захваченный делом, Звонцов даже не замечал, что крутится-вертится, собственно, он один, ну, еще тракторист, а остальные поглядывают только. Не замечали, кажется, этого и люди, оказавшиеся в роли зрителей: привыкли!

Но вдруг, сообразив, видимо, что он не один, что на берегу люди, Звонцов выпрямился, закричал:

— А ну, хватит! Живо сюда с лопатами!

Один за другим, поругиваясь вполголоса, поднялись четыре человека: лезть в этот крошечный ад явно не хотелось. Но никуда не денешься!

Поначалу работали лопатами. Потом поймали занесенный над трюмом ковш и стали подтаскивать его туда, где он мог зачерпнуть фосфоритку сам. Звонцов стоял рядом, нервничал: понимал, что и это не выход из положения. С трудом нагрузили третью машину и заглушили трактор. Надо было удлинять стрелу. В комплекте на этот случай было метровой длины звено. И Звонцов вместе с трактористом и механиком принялся откручивать трубки маслопроводов. В нем все клокотало, но он сдерживался, хотя это стоило ему огромных усилий.

Зеленый костюм и светлый плащ, смешно балансируя по бревнышку, прошмыгнули на «галошу». Поздоровались, стали что-то советовать, размахивая руками. Не глядя на гостей, Звонцов выдавил:

— Ну, что ж, спасибо, что приехали. Теперь, наверное, дело пойдет... Правда, распределитель нужен...

Климов не стал прислушиваться к разговору. Незаметно отошел в сторону, завел мотоцикл и уехал: оставаться дальше не было смысла.

Секретарем парткома в «Восход» Андрея Николаевича Климова рекомендовал партком управления. Для него лично, да и для коммунистов «Восхода», эта рекомендация была полной неожиданностью: он, ветеринар по профессии, работал в двадцати километрах отсюда, специальность свою любил и ни о какой другой никогда

не помышлял. Наоборот, он уже четвертый год учился заочно в ветеринарном институте! И потому перейти в «Восход» да еще на такое большое и ответственное дело он решил только после того, как секретарь парткома заверил, что посылает его временно, не более, как на год, пока подыскивает другого.

Семью Климов оставил на месте — не перетаскивать же ее на год, или пусть даже и на два в «Восход». Теперь этот год заканчивался, но о возвращении его на прежнюю работу никто в парткоме и не заикался. Да и сам он не напоминал: неудобно было. Слишком мало успел он за этот год: узнавал людей, приобретал опыт... Теперь только и работать! И он работал. Работал, как подсказывала ему совесть: был все время с людьми, среди людей, и этим завоевал их признание. Со Звонцовым он тоже покуда ладил, хотя... могло быть и иначе. Да, могло быть. Но, считаясь с огромным опытом Звонцова, с его авторитетом в районе и области, он в спорных вопросах, как правило, немного погорячась, уступал ему, а говоря прямо, шел у него на поводу... Плохо это, конечно... Но как иначе? Ведь Звонцов — не кто-нибудь! И все-таки — Климов чувствовал это нутром — неприятный разговор между ними, пусть один на один, рано или поздно все-таки должен, видимо, состояться.

Думая обо всем этом, он незаметно доехал до полей третьей бригады. Еще издали увидел — слева от дороги работала льнотеребилка. Тракторист гонял машину и вкривь, и вкось, словно озорничал, а не работал. Но стоило подъехать ближе, как все становилось ясным: водитель выбирал. Лен был такой низкий и местами такой необычный, что даже не походил сам на себя — верхушки карликовых стебельков скрючились, завились в разные стороны, словно пламенем их обожгло.

Климов знал: это был участок, площадью около пятнадцати гектаров, наиболее пострадавший от опрыскивания гербицидом...

Четыре пожилые женщины вязали лен в снопы. Увидев секретаря, распрямились, пригласили присесть, предложив ему снопик, и сели напротив сами. Сюда же подошли и тракторист с машинистом льнотеребилки.

— Все-таки решили вытеребить? — спросил Климов.

— Да катаемся, а пожалуй, и зря, — ответил тракторист. — Правда, попадаются островочки вроде бы и ничего, с головками даже, а все равно не то... Стебель, как стеклянный, ломается.

Закурив, продолжил:

— Поздно, видимо, опрыскивали. Особенно этот участок. Ведь посеян он раньше других, числа десятого мая, если не запамятовал, а опрыскивали двадцать пятого июня — вон когда! По инструкции, говорили, лен к этому времени должен быть не выше десяти, самое большое — пятнадцати сантиметров, а у этого, поди-ка, и все двадцать пять были.

— А может, крепкий раствор, кто его знает, — сказала одна из женщин.

— Да и сушь стояла такая! — сообщила другая... — А сколько бы льну тутросло! Видели, в К्लीшине какой вымахал? Учетчица там не разрешила опрыскивать: мол, картошка рядом. И правильно сделала: и лен дикий вырос, и картошка цела.

— Да... Вот и угадай! — вздохнул машинист льнотеребилки. — Ведь хотели как лучше, а вышло... В прошлом году лен тоже был хороший, но с сорняками. А в этом, даже в К्लीшине, сорняков-то и нет. Лето сухое.

— Андрей Николаевич! — обратилась к Климову одна из женщин. — А спишут с нашей бригады этот лен али не спишут? Ведь опять мы план не выполним. Опять те бригады на сто процентов, а нашу на семьдесят рассчитают... А разве мы виноваты?

Климов ждал этого разговора. В самом деле: бригады на хозрасчете, а лен — основная статья дохода. Люди, конечно, не виноваты, что лен у них погублен. Но кто же тогда виноват? Во всяком случае, не зоотехник... Лен, как и все другие культуры, — предмет заботы агронома. Но почему же тогда Звонцов не спросит ответа с Морозовой со всей присущей ему строгостью? Была она на месте в тот день, когда самолеты летали, распыливая этот самый «декотекс-80»? Была! Так куда же она смотрела?

Законный вопрос. Но попробуй с этим «законным» сунься к Морозовой! О-го, такое ответит!

В общем, вывод напрашивается не очень приятный. Особенно теперь, после истории с погрузчиком. Оказывается, распределитель-то с погрузчика был когда-то снят по распоряжению самого Звонцова, без ведома механика... Поэтому Звонцов и помалкивает: не с кого спросить!

Климов поднялся, сказал, что он лично согласен: списать надо, и что акт на списание составлен — лен погиб не только в третьей бригаде, — но решать будет правление. И пошел к мотоциклу, думая, что обо всем этом надо рассказать Звонцову.

На льнище второй бригады работала льномолотилка. Ее обслуживали несколько колхозниц да с десяток студенток из областного центра. Невдалеке по полю продвигался трактор «ДТ» — с саями. Трое стариков складывали на сани снопы. Распоряжался же тут учетчик Еськов — невзрачный мужичишка в пиджачке с протертыми локтями, в коричневом бумажном свитере с высоким воротником, подпирающим давно не бритые обвисшие щеки. В колхозе его знали все, поскольку человек он видный — с начала коллективизации и до сегодняшнего дня занимал руководящие посты. Правда, хотя он и глядел вверх, ступая по служебной лестнице, а продвигался неотвратно вниз. Он считал, что ему не везет, а дело было совсем не в везении: просто жизнь шла вперед, а он топтался на месте. И по этой причине скатился от председателя до учетчика. Но и с этой должностью он не ладил. Трудной, ответственной стала эта должность!

Люди теперь работают не за палочку или там полторы, а за рубли и копейки. Проработают день — желают знать, сколько заработали. А считать Еськов не силен — всего две зимы ходил в школу, писать — тем более: карандаш, как живой, то и дело из руки выскакивает, слова в строчки не помещаются, из-за чего почти каждую приходится сильно загигать вниз. В конторе же теперь строгий порядок заведен: не сдал заполненные наряды до пятого числа — плати штраф! А как же иначе: ведь выдача зарплаты колхозникам задерживается. И все-таки Еськов, как правило, не успевал к пятому числу, так как записи вел неаккуратно, от случая к случаю. А иногда, бывало, просрочит так, что за получкой и не является, а все равно к руководству не в претензии: должность ему всего дороже!

— Что-то, Иван Петрович, многовато у тебя все еще ленку не околочено, — говорит учетчику Климов.

— Так ведь трактор-то на реку был угнан, Андрей Николаевич. Сегодня с трех часов только начали, — возмущенный несправедливой критикой отвечает Еськов.

— Ну, ну... — заметив это, тянет Климов. — А каков ленок?

— Сам, парень, видишь, каков... Который получше был — возле леса да с краешков — тот уже разостлан. А этот крепко пострадал! Поле-то, вишь, широкое, летали низко... Вчера директор льнозавода приезжал, смотрел. Грит, если хорошо на стлище вылежится, может, но-

мером 0,75 пойдет, а то дак и на паклю. Боюсь говорить об этом женщинам — разбегутся, не станут растилать.

Да, и здесь та же история со льном. Будут говорить: подвела химия! А химия ли? Она всего лишь преподавала руководителям колхоза предметный урок: со мною шутить нельзя! Я требую деликатного обращения.

Химические препараты земле, как и порошки человеку, надо преподносить по рецепту, да еще и вовремя!

В поле, что примыкает к деревне Засекино — хозяйственному центру колхоза, трактор «Беларусь» таскал туковую сеялку. У края пашни, вдоль дороги, по которой ехал Климов, с промежутками в 20 — 30 метров груды были насыпаны удобрения. Здесь разгружались машины, прибывавшие с Ветлы.

Климов остановился. Три женщины — одна лет тридцати, а две значительно старше, опершись на лопаты, стояли у груды фосфоритной муки, ждали, когда трактор с пустой сеялкой вернется с того конца поля. Разговорились. Одна женщина пожаловалась:

— Беда, а не удобрение. Пылит! В глаза, в нос лезет. Голова вся разболелась, ровно в бане угорела.

Другая добавила:

— Ужас! Как охмуряет! Нагрузишь сеялку — и хоть падай. Много ли нам надо-то? А и толку, поди, никакого...

Первая не согласилась:

— Да ты что, Кузьминишна. Уж коли привезли, значит, пользительное.

Подошел «Беларусь» с сеялкой. Женщины ведром и лопатами стали загружать сеялку. Тракторист спрыгнул на землю, подошел к Климову.

— Ну, как дела идут? — спросил Климов.

— Да плохо, Андрей Николаевич. Сеялка видите какая? Не сеялка, а колымага? С одного конца густо сыплется, а с другого совсем не сыплется. И отрегулировать нельзя: в ящичке и земля, и камни, и обрывки мешков бумажных... Да и нормы высева не знаем. Оно вон какое тяжелое, удобрение-то. Да хотя бы и знали норму — весов нет.

— Ведро можно взвесить, — сказал Климов.

— Это верно... Так хоть бы агрономша пришла. А то, видите, — специалисты... — и показал на работающих женщин.

Климов понимал, что такую работу надо бы приостановить, отремонтировать сеялку, приставить к делу агронома. Но время не ждет. Сейчас сухо, а ночью, может, пойдет дождь: осень все же... И тогда от этих груд только грязные пятна останутся.

От реки подошла еще одна машина с удобрением. Шофер притормозил, крикнул:

— Сегодня больше не будет!

— Как не будет?

— Лопнула стрела погрузчика... — И с улыбкой: — Еще хорошо, что над кузовом, а то бы в реку плюхнулась.

Пока отсоединили стрелу погрузчика да пока ее погрузили, стало темнеть. Звонцов подошел к машине, грузно упал на сиденье, выдохнув: «Поехали!» — и когда машина побежала, а по сторонам смутно и однообразно замелькали кусты, он вдруг почувствовал невероятную усталость. Ехали, не проронив ни слова. Напротив конторы шофер чуть притормозил, вопросительно глянув на Звонцова.

— Домой меня, Женья, домой... — проговорил, поняв шофера.

Переступил через порог, сбросил тяжелый плащ, прошел в переднюю и — замертво на диван, ни есть, ни пить не хотелось, хотя целый день во рту не было маковой росинки.

Домашние и еще учительница Валентина Сергеевна — его «первый комиссар», первый парторг колхоза, запросто бывавшая в их доме, сидели у телевизора. Супруга поднялась, приглушила звук, сказала, обращаясь к Валентине Сергеевне:

— Ну, вот... И так почти каждый день.

Алексей Трофимович понял, что разговор о нем уже состоялся, и эта фраза подытоживала только сказанное ранее.

Валентина Сергеевна, глянув на его измученный вид, негромко, словно самой себе, сказала:

— Не жалеешь ты себя, Алексей Трофимович... Полыхаешь, как костер на ветру.

Звонцов промолчал.

— И вообще не таким стал. Совсем не таким.

Он устало рассмеялся, еще не понимая, к чему клонит учительница.

— Ну, ну... Каким же это я стал?

— Каким? — Она задумалась, подыскивая слова. — А помнишь, как мы с тобой начинали? Ты стариков да-

же собирал, советовался с ними, в избах бывал... А партийная организация не раз твой отчет о руководстве колхозом ставила. И ты отчитывался, как миленький! А сейчас? Сейчас ты «сам с усам»! С тобой не только в районе, в области считаются. Как же — Звонцов!

Алексей Трофимович тер пальцами нахмуренный лоб, слушал. Когда Валентина Сергеевна замолкла, проговорил:

— Всю жизнь ты режешь мне, Сергеевна, правду в глаза... Ты одна. Остальные льстят.

— А почему льстят? Наверно, потому, что боятся. Но не забывай: который льстит, тот первый и обманет, а может быть, и предаст.

— Тоже верно. А в общем-то устал я... И нервы сдают.

— То-то и оно! Да и как не устать?! Такой колхознице! А ты, как и в том, маленьком, везде и во все — сам, сам! Ни с кем не считаешься, никому не доверяешь. И горячишься при этом, рубишь иногда сплеча. Сказал тебе тракторист поперек какое-то слово — и ты его с трактора долой! А с дояркой Песковой что получилось? Уехала Пескова, а ведь на нее все равнялись, у нее училась даже Маслова — лучшая теперь доярка.

...Потом, когда уже весь дом спал, Алексей Трофимович, обдумывая все, что сказала ему учительница, вспомнил историю с дояркой Песковой. Верно, женщина была старательная. Но строптивая! В тот год она не выработала минимума трудодней, поскольку болела, хотя справки о болезни у нее и не было. При окончательном расчете за год правление решило всем дояркам выдать сто процентов зарплаты, а с Песковой удержать полсотни рублей. Секретарь парткома Климов говорил тогда, что зря это, что Пескова — труженица каких поискать, а Звонцов молчал, и это молчание правленцами, как всегда, было «правильно понято»... Обидели Пескову. Пришла в контору, пригрозила: уеду! И верно: через неделю дом Песковых стоял заколоченным. Вместе с детишками они махнули в Казахстан, на целину.

Формально в этом случае он, Звонцов, был прав: дисциплина одинакова для всех. А если по-человечески?..

О многом передумал Звонцов в эту ночь. За десять лет чего не было! Поседел он за эти годы. Начал-то когда — в пятьдесят четвертом! Кому не известно, до чего были доведены иные колхозы к тому времени? Ему, Звонцову, пришлось строить заново все помещения для скота...

А эти укрупнения? Особенно последнее, когда присоединился колхоз «Трудовик». Миллион долгов! Ни па одном дворе нету крыши. Семена не засыпаны. Люди на колхоз махнули рукой. Жили целиком за счет личных хозяйств, невероятно раздутых. Колхозные лошади и те были розданы, по сути дела, в личное пользование.

Алексею Трофимовичу, когда он вспомнил об этом укрупнении, невольно пришло на ум сравнение: в хорошо и ровно крутившиеся жернова вдруг бросили булыжник, да еще необкатанный, и жернова бешено затрясло — казалось, еще один-два оборота, и они разлетятся на куски! Но жернова не разлетелись. Жернова перемололи и этот камень. Теперь третья бригада — бывший колхоз «Трудовик» почти ни в чем не уступает первой и второй бригадам. А каких это стоило усилий — знает только он! «Даже ты, дорогая Валентина Сергеевна, не знаешь...» — вспомнил он опять разговор с учительницей. «Разве этим нельзя гордиться?» Но другой голос, голос совести, отвечал: «Да, конечно... Но ты можешь и должен сделать значительно больше. Пришло время, когда надо думать уже не только о помещениях для скота, но и о новых домах для колхозников — ведь до сих пор живут в избах, доставшихся от прадедов и дедов, правда, в свое время добротных, опущенных тесом, украшенных резными карнизами, наличниками, но теперь подгнивших, покосившихся в разные стороны... Надо думать и о сселении многочисленных деревень в один хозяйственный центр, о строительстве в этом центре хорошего, может быть, кирпичного клуба... А почему бы и не кирпичного! У предков на территории нынешнего «Восхода» был не один, а три огромных кирпичных клуба... то бишь — церкви. Да каких! В одной и сейчас мастерские помещаются, а две другие уже тридцать лет мужики долбят ломami, добывая кирпичи для скотных дворов — и все равно еще от них много осталось! Вот какие хоромины были! И ведь кто строил? Лапотные мужики... Лопата да носилки — вот и вся их механизация. Так неужели мы не сможем построить? Сможем! И должны! Иначе люди, особенно молодежь, все так же будут стремиться уйти из деревни. А без людей — трудно, очень трудно. Кто-кто, а он-то, проработавший столько лет председателем слабого и потому малолюдного колхоза, знал это. Бригадиром некого было поставить! Журавлев и ничего вроде мужик, а образование-то всего два класса. Разве достаточно такого образования для бригадира, когда на повестке дня — интенс-

фикация, внедрение в практику самых передовых методов производства с использованием самой новейшей техники и химии! Трудно Журавлеву, а заменить кем — и теперь найдешь не сразу. Вот если бы вернуть в колхоз хотя бы часть ушедших из него людей. А ведь может такое случиться, может! Земля, придет время, позовет, да так, что уже не откликнуться на этот зов душа хлеборобская не сможет...

Не впервой думал обо всем этом Звонцов, не впервой, не щадя своего самолюбия, припоминал промахи и ошибки и, как бы освобождаясь от них, с верой и надеждой заглядывал вперед. «Ну, уж теперь-то должно, обязательно должно получиться!!» — с этой мыслью он начал сев, с этой мыслью глядел на сильные, обещающие всходы: «Будет хлеб! Будет силос! Вырвемся наконец-то!»

Особенно обнадеживающей была нынешняя весна. Хлеба взошли — гляди да радуйся! И вдруг — на тебе! — засуха. Засуха на Вологодчине! Вот уж поистине: чем черт не шутит... И что же? Силосные — горох, вика, бобы — сгорели. Потом и лен. Да, и лен.

Алексей Трофимович тяжело вздохнул. О льне даже думать не хотелось. Да и падо спать, наконец. Завтра все начинать сначала. Стрелу, конечно, мужики сварят... Хорошо бы распределитель получить: те, двое, обещали... Уже засыпая, вспоминал, как зеленый костюм говорил: «Пришлем, Алексей Трофимович, обязательно! — Это о распределителе. — И за простой баржи оплатим... Только выгрузи, ради бога!» То-то...

По привычке проснулся в начале шестого. Знобило. Голова была свинцово тяжелой, тело — как не свое. И все-таки встал. Надо было встать: в шесть, как всегда, к телефонам придут бригадиры второй и третьей и будут ждать его звонка, его распоряжений на день. Такой порядок был установлен им самим.

Жена заметила его медлительность, вялость, спросила:

— Тебе нездоровится?

— Да, немного... Продуло, наверно, на реке. — Про себя же подумал: «А может, фосфоритки чертовой наглоталя».

Выпил крепкого чая. От еды отказался: «Потом».

Накоротке переговорил с бригадами: велел зани-

маться своими делами, потому что едва ли удастся быстро сварить стрелу погрузчика, да и распределитель еще неизвестно когда доставят...

Накинул плащ, вышел. Утро было погожее, но уже осеннему знобкое. В пустых проемах колокольни, беспорядочно перелетая, звонко кричали молодые галки. К правлению только что подъехал Журавлев. Увидев председателя, спешился, привязал лошадь к палисаднику:

Поздоровались.

— Ну, какие у тебя дела, рассказывай.

Дел у Журавлева было много. Он бойко перечислял их, радуясь в душе тому, что погрузчик опять сломался и, значит, есть возможность распорядиться людьми по своему усмотрению: продолжить подъем зяби и скирдование соломы, начать ремонт печей и полов на скотных дворах... Надо было также перевезти из дальней деревни семью доярки Морошкиной, недавно приехавшую из города Шахты. Муж ее, здешний родом, получил там, в забое, увечье и теперь лежал на больничной койке в городе, а она с тремя маленькими ребятишками жила у бабки — матери мужа.

Изба у бабки старая, но жить в ней все же можно, да ферма далеко, четыре с лишним километра. Егор Журавлев дал ей смиренного мерина: мол, пока дом подыскиваем...

Домов пежилых в Засекино хватало, но в какой ни зайдешь — крыша прохудилась и печь надо отремонтировать. Да и о цене списаться с хозяевами — тоже надо время: иных черт те куда занесло!

Звонцов знал, конечно, о доярке Морошкиной, он и сам обещал перевезти ее с ребятишками в Засекино и, видимо, уже что-то предпринял бы, когда бы не эта морока с удобрениями.

— Покажи ей дом, что «волки» зимой перебирали, — сказал бригадиру.

— Так ведь рам нету, в доме-то...

— Ах да — рамы...

Они подошли к крыльцу конторы и сели на скамейку. Впервые за последний месяц, пожалуй, он никуда не спешил, впервые мог сесть вот так и закурить. И он закурил, закинув ногу на ногу и опершись локтем на колено. Сигарету он держал тремя пальцами, огоньком внутрь ладони — старая фронтальная привычка — затягивался часто, но не глубоко: думал.

Подошел и поздоровался за руки Эдя Самофалов —

участковый уполномоченный, прямой и высокий, как кол, в фуражке, сдвинутой на правую бровь, и с неизменным планшетом через плечо. У Эди всегда были хорошие папиросы, потому что все продавцы в округе дорожили его расположением. При хорошем настроении Эдя любил тряхнуть пачкой ленинградского «Беломора». Сейчас настроение было, и он, присев, далеко вытянул ногу и достал из «бутылки» галифе недавно начатую пачку.

— Прошу.

Журавлев не отказался:

— Давай... Все одно — кашель.

Прикурили. И Эдя, словно так, между прочим, сказал:

— Оформил вчера сено у директора маслозавода!

— Ну? И как она?

— Да так, ничего... — Эдя щелчком стряхнул пепел с папироски. — Незаконно, говорю, Павловна. На колхозной, говорю, земле... Ой, говорит, меня и дома не было. Без меня, говорит, и шакосили и привезли... Хе-хе! — и расхохотался, показав два длинных передних зуба. — Сегодня еще у двоих надо будет оформить.

Егор Журавлев перебил участкового:

— Да, Трофимыч... телят когда будут закупать, не слыхал? Сена-то и у колхозников не густо. Отдать бы поскорее, пока не отощали, да и ладно. Все спрашивают, не знаю, что и говорить.

— Узнавал. Все загружено...

На мотоцикле подъехал Климов — секретер парткома — как всегда, в резиновых броднях, в черной фуфайке с воротником, из-под которой виднелась овчинная безрукавка: ездил Климов быстро и, если в пиджаке, — пронизывало насквозь. Поздоровался, достал из кармана согнутую вдоль тетрадь и подошел к доске показателей, что на двух столбах, врытых в землю, красовалась слева от крыльца. Пошарил в другом кармане — достал мелок. С минуту изучал записи в тетради, сделанные, наверное, вчера, и, привстав на цыпочки, написал: «Разослано льна».

Эдя Самофалов, глядя на доску, сказал:

— Ох, Николаевич, схлопочешь ты себе двойку по русскому, если так относиться будешь! — Эдя знал, что Климов учится заочно в ветеринарном институте. — Гляди, что написал-то: ра-зо-сла-но... Куда разослано? Хе-хе! — и рассмеялся с чувством превосходства.

— Фу ты, черт! — сообразил Климов и стер ладонью написанное. Вывел «разослано» и сказал: — Русский-то

еще ничего — можно выучить. А вот немецкий!.. В тридцать-то семь годов... А сдавать надо. Вызубрил я как-то, значит, и текст немецкий и перевод. Пошел. Взял учебник, читаю, без запинки перевожу. Немка удивлена. «Ну-ка, говорит, переведите вот эту фразу». — И тычет пальцем в учебник. А я и на этот случай готов. Перевел! Вижу, глаза у нее округлились, лицо вытянулось: такого пациента она, может, еще и не видела! Перевернула страницу и опять пальцем: р-раз! Прочитайте! Тут-то я меня язык и отнялся. Поняла, конечно. Поскучнела... Обыкновенной стала. Все же тройку поставила. До сих пор благодарю!

— Мудреный язык, — понимающе согласился Егор Журавлев. — По-нашему: руки вверх! — а по ихнему: хенды хох! — И засмеялся. — Совсем не похоже. Я, пожалуй, только это и запомнил, а ведь до Берлина доскакал!

Звонцов встал, направился к мастерской: решил посмотреть, как там будут стрелу сваривать.

...Часа в три его позвали к телефону. Звонил секретарь парткома управления, спрашивал, когда будут выгружены удобрения. «Дошло и до секретаря, — подумал Звонцов. — Да и не диво: четвертый день, как начали, а баржи все еще стоят с полными трюмами».

— Как «Сельхозтехника»? Помогает? — спросил секретарь.

— Хорошо... — с иронией ответил Звонцов. — Сегодня, наконец, новый распределитель дали. Раньше его «не было». Поняли, видно, что за простой баржи придется платить им, а не колхозам.

Звонцов был зол на «Сельхозтехнику», особенно после истории с ремонтом самосвала и трактора. Самосвал, единственный в колхозе, ремонтировался там год и четыре дня, причем за это время был утерян кузов — помятый, полусасыпанный землей, он оказался в куче хлама, и пришлось дойти аж до областного начальства, чтобы заставить мастерскую все же восстановить кузов. Впрочем, самосвалу не хватало не только кузова, в чем механик колхоза и убедился, как только вывел его за ворота.

Имея в виду эти и другие факты, на одном совещании в области Звонцов сказал:

— Наше отделение «Сельхозтехники» хорошо решает две задачи: как можно больше сорвать денег с колхозов за разные услуги и сбыть колхозам всю технику, что поступила на склады, не считаясь с тем, нужна или не нужна эта техника колхозам.

Секретарь знал взаимоотношения Звонцова с управляющим отделением «Сельхозтехники» и не удивился, когда услышал в трубке такие слова:

— А что Чуркину спешить? То, что удобрения эти колхозам влетят в копеечку, его совершенно не касается. Он свою зарплату все равно получит. А вот если бы эта зарплата была поставлена в зависимость от себестоимости продукции в обслуживаемых колхозах, тогда бы он крутился, как белка в колесе!

— Злой ты сегодня, Алексей Трофимович, ох злой! — ответил секретарь. — Устал, понимаю. Давай-ка заканчивай с удобрениями да бери отпуск. Не бойся: небо на землю не рухнет, если тебя с месяц не будет. В общем, на днях приеду — решим...

— Что ж, приезжайте...

А усталость не проходила. Надо бы пойти домой и лечь, хотя бы на час, и он уже собрался было, но в контору ворвался Женья — шофер.

— Алексей Трофимович! Наладили погрузчик! Работает — в-во! Я только что оттуда...

Звонцов резко поднялся. Усталость как рукой сняло. Вынул сигаретку, прикурил, сказал:

— Поехали!

Погрузчик и в самом деле работал теперь исправно. Правда, фосфоритка из ковша текла по-прежнему, но с берега дул ветер, и дышать было легче, потому что пыль относилось в сторону.

Одна за другой, поднимаясь с помощью буксира на берег, груженные машины уходили в сторону Засекино. А день между тем угасал. Скоро стемнело совсем, и работу пришлось приостановить.

Наутро снова весь колхозный транспорт был брошен к реке. И на этот раз не напрасно. Погрузчик старался вовсю. В трюмах заметно убывало, хотя и не так быстро, как хотел, как рассчитывал Звонцов. Ведь шел пятый день, как «все это» началось. И он больше всего на свете сейчас жаждал одного: закончить выгрузку сегодня! И потому не уезжал от реки, все приглядываясь да прислушиваясь к работе погрузчика: только бы не остановился, только бы...

Но погрузчик, конечно, остапавливался. И потому дня — пятого дня — тоже не хватило и заканчивать пришлось в темноте, осветив баржу фарами.

Звонцов чувствовал себя победителем. Голос его звенел, движения снова были уверенны и размашисты, словно и не знал он этих пяти дней сплошной нерво-трепки. Расхаживая утром по кабинету, рассказывал Климову:

— Кончили вчера, Андрюша! Кончили! Уже в темноте, с фарами, а все-таки кончили! Теперь давай собирай доярок! Эпопея завершена.

— Слушай, Трофимыч... А ты очень доволен этой «эпопеей»? По-честному, положи руку на сердце, — доволен?

Звонцов погасил улыбку. С минуту молчал, нацелив прищуренные глаза на Климова. Потом негромко проговорил:

— Ты что имеешь в виду?

— Что я имею в виду, я скажу... Прежде я хотел бы знать, научила тебя чему-нибудь эта «эпопея», или...

— Брось, Андрей! — резко перебил его Звонцов. И, сбавив тон, повторил: — Брось, прошу тебя... Не порти мне настроение.

— Извини, конечно, если... Но мне бы хотелось все же кое-что тебе сказать... Не кажется ли тебе, что история с погрузчиком не случайность, а некая закономерность? И тебе стоит над ней подумать! Неудача со льном — тоже...

— Решил меня поучить? — с поткой пренебрежения и еще обиды спросил Звонцов. — Ну, давай, давай...

— Да ты не сердись, Трофимыч... Ведь я же добра тебе хочу. Спорь, не соглашайся, но не сердись! Я вот что хочу сказать-то... Вчера, значит, подошел ко мне один из членов бюро... ну, Валентина Сергеевна, учительница. Разговор о тебе завела. Мол, надо помочь Звонцову... Почему бы, дескать, не послушать его, как коммуниста, как руководителя на бюро? Не ради проработки, нет... Просто и тебе и всем нам кое в чем надо разобраться. Я считаю, дельное предложение. Пусть народ выскажется.

Звонцов молча глядел в окно. У крыльца, на скамейках, как всегда, было много народу. Напротив крыльца стоял «газик» председателя соседнего колхоза «Заречье». Сам председатель, заметно подвыпивший, засунув руки в карманы галифе, стоял лицом к сидевшим на скамейках мужикам и шумно уговаривал Сашу Яблокова выгрузить из баржи и зареченскую долю удобрений. А Саша ломался:

— Не буду. Я и так наглотался этой химии...

— Да ты говори прямо, сколько хочешь? — наступал председатель.

— Сколько... Звонцов тоже так говорил: «Ну, Саша, выгрузишь сегодня — ничего не пожалею! Вином самым лучшим досыта напою!» А и не напоил, обманул! — настроившись на шутливый тон подвыпившего председателя, ответил Саша.

— Да ведь я-то не обману! — Народ грохнул: видно было, что он не обманет. — Неужели ты мне не веришь? Хочешь, сейчас поднесу? — Председатель рванулся к «газику», открыл дверцу и извлек откуда-то бутылку, уже наполовину распитую. — Ну, хочешь? Говори!

Мужики ржали:

— А может, нас угостишь?

Саша смущенно отказывался:

— Да нет, не надо... Я пошутил.

— Ах, пошутил... Тогда давай поехали. Не обижу, едрена корень! Все в наших руках: можно так, можно этак... Верно?

Звонцов, кивнув в сторону крыльца, сказал:

— Может быть, такое «руководство» тебе нравится? —

— Нет, такое «руководство» — совсем негодное! Такое «руководство» надо бить! И крепко!

Звонцов вдруг весело рассмеялся:

— Ух ты, гроза! А я и не знал...

ТАК ВОТ ТЫ КАКАЯ, КУБАНЬ...

Пшеница не сегодня-завтра готовилась выбросить колос. Тоненький, молочно-зеленоватый, он уже тайлся в верхнем колене высокого стебля, заканчивавшегося откинутым на сторону саблевидным листом, похожим на лист осоки. Колос толкался плечиками в стенки зеленой трубки, ему не терпелось увидеть белый свет, синее небо Кубани, под которым ему суждено было раскачиваться, цвести, наливаться соком земли и солнца и прозвенеть, наконец, тяжелой бронзой, радуя хлебороба.

Однако до этого звона было еще далеко, и поле, огражденное геометрически ровной рамкой лесопосадок, сейчас всю зеленело, стоявшие густо стебли, толкаясь,

как мальчишки, дружно и радостно тянулись вверх...

Видывал я пшеничные поля в такую пору, но поле, которое было перед моими глазами сейчас, нельзя было сравнить ни с одним из них. Радость, восторг, удивление буквально распирали грудь, и с языка сами собой срывались слова: «Кубань!.. Так вот ты какая, Кубань!»

Хотелось стать великаном, наклониться и доброй ладонью погладить это зеленое, это мягкое и чистое-чистое, без единой травинки поле. Но я не был великаном, размахнуться ладонью от одной лесопосадки до другой не мог, я мог лишь потрепать зеленыя за вихры, нагнувшись, запустить ладонь в прохладную их глубину, зачерпнуть горсточку знаменитого кубанского чернозема, мягкого после дождя, только что отшумевшего над Кубанью.

Каким долгожданным, каким желанным, оказывается, был этот дождь для землеробов Кубани!

— Теперь все! — широко улыбались они, рассказывая о дожде. — Теперь будем с урожаем! А ведь уже о самом худом подумывали... У нас ведь это запросто...

— Что запросто?

— Засуха!.. Э-э, если бы нам, под пашим-то солнышком, на нашей-то земле, да еще водички вдоволь...

Первый секретарь Краснодарского крайкома КПСС Григорий Сергеевич Золотухин об этом же сказал так:

— Сводок о выпавших осадках мы ждем с таким же чувством тревоги и надежды, как в военные годы ждали сообщений Совинформбюро.

Однако вскоре выяснилось, что, кроме воды, кубанским полям нужна еще и защита в виде лесополос. Да и как еще нужна! В памяти у всех черная буря, свирепствовавшая над Кубанью осенью 1968 года.

Андрей Петрович Хомяков, председатель колхоза «Кавказ», когда мы подъезжали к хутору Красное Поле, сказал:

— Одну бабуся здесь пришлось из хатенки через крышу вытаскивать. Черными сугробами буквально засыпало многие хаты.

Впрочем, сугробы были всюду, где только ветер встречал хотя бы малейшее препятствие.

Печальную, трагическую картину являла собой Кубань в ту осень. Черная пыль — мельчайшие частицы верхнего, самого плодородного слоя — тучей неслась над землей, закрывая солнце. На зубах скрипело, пыль набивалась в глаза, в нос, в уши... Испуганно ревел скот во дворах — необычно долго продолжалась ночь, — реки текли,

окрашенные в бурый цвет, обнаженные корни еще не окрепшей озимой пшеницы рвались, как гнилые нитки, и растения поднимались в воздух... Особенно пострадали те массивы, на которых защитные лесополосы были посажены без учета основного направления ветров, черватых черными бурями. И совсем плохо кончилось дело там, где размеры полей были слишком велики или не защищены вовсе.

Огромные площади погибшей пшеницы весной пришлось пересевать. Центнеров по 20 собрали с этих пересейных участков, но радости хлеборобам они не принесли. Разве это урожай — 20 центнеров, когда многие бригады и колхозы собирали уже по 40—45 и даже по 50 центнеров с гектара.

Так вот ты какая, Кубань... И у тебя, оказывается, есть оборотная сторона. И ты, оказывается, уязвима. И можешь наказать беспечного или нерадивого землепашца, пожалуй, жестче и беспощадней, чем иные менее благодатные и щедрые земли.

Тучны, жирны твои черноземы, Кубань. Но сколько раз напоминала ты людям, что и они требуют уважительного к себе отношения, смысл которого не только в усердии, в количестве пролитого пота, нет — пота здесь всегда проливалось достаточно, — смысл этого уважения теперь еще и в упрочении союза труда с наукой, союза, обеспечивающего высокую культуру земледелия.

В колхозе имени Ленина (станция Михайловская) нам довелось побывать в доме звеньевой Евдокии Ивановны Таранухиной. Она, чтобы смелее было за разговором, позвала еще к себе подружек: Александру Ивановну Хорошилову и Александру Александровну Проскуруину — почетных колхозниц, Героев Социалистического Труда, теперь уже пенсионерок.

— Когда же и за что удостоены вы столь высокой награды? — спросили мы героинь.

— В сорок седьмом...

— ?

— Да, в сорок седьмом, почти сразу после войны, — подтвердила А. И. Хорошилова.

— И какой же вы тогда урожай собрали?

— По 36 центнеров с гектара...

Заметив наше недоумение, обе старенькие женщины, перебивая друг друга, стали рассказывать нам, что означали для Кубани в те годы 36 центнеров с гектара. Во-первых, это действительно был невиданный по тем

временам урожай; во-вторых, самим им, звеньевым и членам звеньев, стоил он, конечно же, дороже, чем нынешний урожай в 50 центнеров. Чтобы понять это, достаточно сказать, что в ту пору вся Кубань собирала в среднем 12—13 центнеров с гектара...

Сейчас это кажется смешным, но Кубань тогда всерьез боролась за стопудовый урожай. (Это 16 центнеров с гектара.) Для сравнения скажу, что в 1970 году Краснодарский край собрал вкруговую по 35 центнеров с гектара, то есть примерно 215 пудов.

Наши собеседницы вспоминали, как они, не зная ни дня, ни ночи, собирали для своих участков золу и куриный помет по дворам, как приготавливали раствор и поливали им поля, как до кровавых мозолей на руках косили пшеницу, подбирая каждый упавший колосок. Вспоминали и не скрывали зависти к тем, кому выпало счастье работать на полях теперь...

— Господи! — вспоминала Александра Ивановна Хорошилова. — Гляну, бывало, в зеркало — худющая! Аж мохом обросла. Да не до красоты. В поле, в поле! Бегом! Теперь-то — куда с добром. На машине отвезут, на машине привезут, да еще и горячим обедом на полевом стане почти бесплатно накормят.

Опоздавший к началу разговора супруг хозяйки дома — высокий, болезненного вида мужчина с общительным, видать, характером, сразу поняв, о чем разговор, вклинился в папу беседу:

— Да что с прежним сравнивать! Я вот бригадиром тракторной бригады работал. Четыре тракторишка было в бригаде... Это в МТС! А сейчас колхозная бригада 18 тракторов имеет. Ну... Тяжело было трактористам. Помню, фуфайку и ту не каждому выдадут — не хватало... А питались как? Привезут это галушек, сыпанут в чашку, а присесть-спрятаться некуда; не успел оглянуться — земли уже надуло в галушки-то... Трактора старые... То и дело подшипники подтягивай. В борозде прямо этим делом занимались. Ляжешь на спину — и давай ключом брякать. Течет на тебя, ну, этот... автол. А тут еще ключ вырвется из рук — и бах по башке... Во — шрам видите? — он показал на висок. И помолчав, закончил: — Теперь, конечно, все по науке. Теперь тракторист сто лет проживет...

Слушал я старого механизатора и вспоминал, как первый секретарь Курганинского райкома Иван Васильевич Кулинченко в беседе с нами сказал:

— Кое-кто из вашего брата любит повторять о Кубани известную побасенку: дескать, земля тут такая, что воткнешь оглоблю — вырастет тарантас. Ерунда это!

Тогда я как-то не придавал особого значения этим словам, но теперь понял, что секретарь райкома был прав. Тарантас, может быть, и вырастет, но для этого ой сколько надо поплясать вокруг «оглобли».

Иными словами, и к кубанской земле, бесспорно плодородной, нужно приложить и силу, и ум, и отдать ей сердце, чтобы взять от нее сполна то, что она может дать.

Силу кубанский хлебороб обрел теперь небывалую: на каждого четвертого колхозника здесь приходится один механизм (не коса, не борона — трактор, комбайн, сеялка, жатка, автомашина!).

Как никогда, здорово помогает сейчас кубанским хлеборобам и наука (ум!). Достаточно назвать три имени ученых-селекционеров, известных теперь не только на Кубани, не только в нашей стране, но и во всем мире, чтобы убедиться в этом.

Первый из них, создавший знаменитейший сорт пшеницы «безостая-1», — Павел Пантелеймонович Лукьяненко. Только за счет этого сорта Кубань прибавила в урожае на 15—20 центнеров с каждого гектара. Однако академик Лукьяненко не остановился на достигнутом и за последние годы вывел новые сорта пшеницы — «Аврора» и «Кавказ», применение которых поднимает урожайность кубанских полей еще на 5—6 центнеров с гектара!

Второй — Василий Степанович Пустовойт. Семена выведенных им сортов подсолнечника более чем наполовину состоят из масла. Иными словами, он повысил масличность семян подсолнечника с 25 до 52 процентов, чем привел в изумление селекционеров всего мира.

Подсолнечник на Кубани стал самой рентабельной культурой.

Третий — Михаил Иванович Хаджинов, прославившийся высокоурожайными сортами гибрида кукурузы, позволившими увеличить сбор зерна кукурузы на 20—30 процентов.

Выведены кубанскими селекционерами также высокоурожайные сорта риса и сахарной свеклы.

Короче говоря, техника и наука — два слагаемых успеха, которыми знаменита сейчас в стране земледельческая

Кубань. Сюда же я бы отнес еще и минеральные удобрения, которыми страна щедро снабжает землеробов Кубани, потому что наибольший эффект они дают здесь.

И все же главной, решающей силой на Кубани, как и везде, являются люди, начиная от рядовых тружеников — тут я имею в виду в первую очередь женщин, работающих на прореживании подсолнечника и свеклы с тяпками в руках, далее механизаторов, звеньевых, бригадиров — до председателей колхозов включительно.

Даже при довольно беглом знакомстве с Кубанью бросается в глаза такая закономерность: растет урожайность — растут люди; и наоборот, растут люди — растет урожайность. Земля, отзывчивая на человеческую доброту и ласку, как бы подстегивает людей, как бы учит каждого, причем на весьма убедительных примерах: пойдешь, дескать, ко мне с умом да с душевным расположением, не пожалеешь сил — и я в долгу не останусь.

В том, что это так, мы убедились воочию: всюду, где мы были, перед нашими глазами вставали убедительно мощные, обещающие большой урожай хлеба.

Темно-зеленый разлив пшеницы и более светлый, желтовато-шелковистый — ячменя сейчас безмолвствовал — поверху шаловливо пробегал ветер, и стебельки тихо шелестели, — но того грома, который был тут во время сева, не было...

И невольно приходила мысль: кто он, тот человек, тот богатырь, тот Микула Селянинович, что вспахал это поле и засеял? Как ему дышалось, пилося и елось в те страдные дни?

Я высказал свое желание познакомиться поближе с кем-нибудь из механизаторов (решающая же фигура колхозного производства!) председателю колхоза «Кавказ» Андрею Петровичу Хомякову, и он ответил:

— Пожалуйста. Предоставим вам такую возможность!

И вечером мы оказались гостями семьи тракториста Николая Николаевича Медведева, а если точнее — большой семьи Медведевых, собравшейся ради такого случая в «хате» Николая Николаевича — старшего из девяти сыновей и дочерей «стариков» Медведевых — Зои Никитичны и ее мужа Николая Ивановича. По случайному совпадению Медведевы оказались моими земляками — переехали сюда из Вологодской области зимой

1947 года. Андрей Петрович Хомяков, возможно, этого и не знал (почти 25 лет прошло), а если и знал, то все равно значения никакого этому факту не придавал — для него Медведевы были настоящими кубанцами и, что самое главное, — замечательными тружениками, но для меня, как догадывается читатель, встреча с земляками была и радостной, и волнующей: вспомнилась суровая, но милая сердцу родина с ее неширокими и, увы, пока не столь щедрыми, по сравнению с Кубанью, полями...

Зоя Никитична, невысокая, коренастая и отнюдь не старая еще бабушка, раскачивая и подшлепывая при этом годовалую внучку — представительницу третьего поколения Медведевых, — рассказывала:

— Сорок шестой год знаете какой был... Война только кончилась... А тут еще засуха. Заработали мы с Николаем Ивановичем 1700 трудодней, а дошло дело до расчетов — матушки мои! — и получать нечего... Хуже того — два центнера хлеба еще и должны мы колхозу... А у нас пятеро ребятишек. Как ни держал председатель, как ни противился — мол, пусть мужик пока один едет, а ты оставайся, некому за коровой ходить, — а я: нет уж, батюшка, нет, куда иголка — туда и нитка. Четыре года жила без мужика — хватит. Он на фронте был... Продали избу, корову и — всем табором в Череповец на вокзал. Какой-то хороший человек рассказал, что проезжал станицу Курганинскую, и так она ему приглянулась, так приглянулась... Ну, на Курганинской мы и вылезли, и не ошиблись, слава те, господи. Трудно, конечно, поначалу было: ни кола, ни двора... Да ведь работать-то мы умеем... Николай-то Иванович у меня тракторист ведь... И ребята в его пошли: оба на тракторах, ну...

Тут нас позвали к столу. Андрей Петрович, явно довольный гостеприимством хозяев, вызвался провозгласить первый тост. Ему, как я заметил, не терпелось представить нам, гостям, братьев Медведевых — Николая Николаевича и Олега Николаевича, олицетворявших решающую силу колхозного производства, — механизаторов.

— Это замечательные труженики! — говорил председатель колхоза. — Их тракторы всегда в идеальном порядке. Они в совершенстве знают и механизмы, на которых работают, и агротехнику: высокая культура земледелия невозможна без высокой культуры земледельца. Неграмотному, невежественному человеку теперь в сельском хозяйстве делать нечего. — И с гордостью добавил: — Николай Николаевич — вот он, перед вами! —

лучший тракторист нашего района... Это звание он завоевал на соревнованиях пахарей. Такие соревнования мы проводим теперь ежегодно. Ездили мы с Николаем Николаевичем и на краевое соревнование, и там он не подкачал, но... судьи, на мой взгляд, там были не очень внимательные...

— Из тех, которых болельщики обычно требуют отпавить на мыло? — пошутил кто-то из нас.

— Да, хотя там таких намерений и не было... Зато мы с Николаем Николаевичем видели, как возмущался, почти плакал один из трактористов — этакий вот детина! — когда ему сказали, что лучше вспахал свой участок его сосед: «Нет, вы посмотрите, вы посмотрите! — хватал он за руки всех проходивших мимо. — Я не уйду, не уйду отсюда, пока по справедливости не решат...» Во как задевает самолюбие людей это соревнование! Трактористы готовятся к нему, как к сражению. И зрителей оно захватывает. Правда, судейство пока хромает, над ним надо думать.

Михаил Герасимович, главный инженер колхоза, то и дело поддакивал председателю, пока тот рассказывал, порывался дополнить его и успел-таки вставить фразу, когда речь шла о старшем из братьев, Николае: «Восьмой год на «ДТ» работает, а трактор и сейчас у него как новенький!» — и это прозвучало весьма убедительно и подняло на крыло вдохновения, что называется, самого Николая Николаевича:

— Поначалу я на «Беларуси» все катался. Ну что? Расторопный, увертливый тракторишко, но... как бы это вам сказать?.. Пропылишь на нем — и следа нету: затоптали, заездили. Вроде как бесплотным духом над землей порхнул. А на гусеничном — о-о! Выедешь вечером в поле — перед тобой одна стерня, а утром глянешь — черное море! Аж не верится, что ты это сделал... Не-е, я свои рычаги ни на какую баранку не поменяю! Через рычаг, понимаете, зацеп с землей чувствуешь, притяжение... А это — ух как здорово!

Младший Медведев, Олег, невысокий, крепыш, пышущий здоровьем, с льняным чубом, нависающим над совсем еще молодым, крепким, как августовское яблоко, лицом, еще более восторженно продолжил:

— А вы знаете, как свежая борозда пахнет?! — Голос у него грудной, замешанный на улыбке, что ли, и не слушать его невозможно. — Особенно на рассвете!.. Ух! Лучше всяких роз, честное слово! Я два года в ар-

мии служил — и не забыл этот запах! Едем, бывало, по полю или через деревню на машинах, пыль из-под колес... А мне и пыль эта запах борозды напоминает. А знаете, как хорошо петь под мотор? Какую музыку задумаешь — такая тебе и слышится...

— И я пою, когда пашу, — признался, может быть, впервые, более сдержанный старший брат.

Николай Иванович — отец трактористов и сам бывший тракторист — до сих пор молчаливо, но с гордостью за сынов слушавший похвалы, тоже не утерпел, выдал свое сокровенное:

— И я пел... стариком уже пел!

Признался и смутился, потупил глаза, зашевелил смешливо губами...

— Сам себе поешь, конечно, для души. Земля да небо — больше никого...

Леонид Иванов, мой товарищ из Омска, подмигнув мне, сказал:

— А земляки-то твои — поэты!

— Поэты! — ответил я, пораженный не менее, чем он, сделанным открытием. А суть открытия была не только в том, что братья Медведевы в душе действительно поэты, тонко чувствуют красоту природы, музыку земли и неба, нет... Открытием для меня было то, что труд, которым они заняты, для них не только необходимость, но и потребность, что он им приятен, доставляет огромную радость, и без него жизнь для них потеряла бы смысл.

«Не в этом ли высшая цель коммунистического общества, которое мы строим?» — подумал я.

Да, в этом: чтобы труд из необходимости превратился в потребность и доставлял человеку радость!

И еще я вспомнил тогда утверждение одного «знатока» крестьянской души — литературного критика, принявшего участие в дискуссии о «любви к земле», утверждение, что ни о какой такой любви теперь не может быть и речи, поскольку крестьянин к ней не прикасается ни ногой, ни рукой, он сидит на машине, а она железная, и любить через нее невозможно...

Как бы посмеялись над этим горе-знатоком кубанские трактористы!..

— Так вот ты какая, Кубань! — с восторгом и с радостью узнавания произношу я снова и вижу не только плодородную землю, но и людей Кубани, красивых в сво-

ем трудолюбия, в своем постоянном поиске, цель которого — взять от кубанской земли все, что она может дать. А дать она может много! Новые сорта пшеницы «Аврора» и «Кавказ», например, на поливных участках могут отвалить по 80—100 центнеров с гектара! Вдумайся, читатель, 80—100 центнеров! Мне, выходящему из Вологодской области, которая в 1969—1970 годах добилась рекордного за последние 70 лет урожая — четырнадцать центнеров с гектара, мне эта цифра кажется фантастической!

Однако сами кубанцы приглядываются к ней без особого трепета, с присущей им деловитостью и практичностью. Уже строится Кубанское водохранилище. К нынешним 200 тысячам гектаров орошаемых земель в новой пятилетке прибавятся еще 150 тысяч гектаров... Но главный резерв все же не в этом, а в повышении культуры земледелия.

В дни нашего пребывания на Кубани в Краснодаре состоялся третий съезд бригадиров и управляющих отделениями колхозов и совхозов.

Так вот, пафос постоянного поиска, о котором я говорил выше, буквально пронизывал выступления всех участников съезда.

Все сходились в одном: нужно повышать культуру земледелия.

Но как?

Два слова из истории этого движения.

Инициатором соревнования бригад за высокую культуру земледелия выступила в 1966 году комплексная бригада колхоза «Кубань» Усть-Лабинского района, возглавляемая М. И. Клепиковым. За пять лет звания «Бригада (отделение) высокой культуры земледелия» удостоились 480 коллективов.

Звание это присваивается не за красивую вспашку и не за ровные всходы — только за высокий урожай! То есть за конечный результат, который красноречивее всего свидетельствует о высокой культуре земледелия.

Много это или мало — 480 бригад, получивших с каждого гектара больше, чем в среднем по краю, зерна — на 5,4 центнера, сахарной свеклы — на 4,6 и подсолнечника — на 3,3 центнера?

Мало!

Четыреста восемьдесят бригад — это всего лишь 20 процентов от общего количества бригад и отделений.

Вот он где резерв!

Понимая это, в прошлом году бригада Клепикова

выступила с новой инициативой, смысл которой укладывается в следующие четыре слова: «Умеешь сам — научи другого». Вскоре к этим замечательным словам кто-то добавил не менее крылатые: «Земля соседа — не чужая земля», и соревнование за высокую культуру земледелия как бы обрело второе дыхание.

Под такими девизами оно должно принести и обязательно принесет замечательные плоды!

Ведь как порой распространялся у нас передовой опыт? Ну, рассказывали о нем газеты... Ну, издавались брошюры, написанные, как правило, сухим канцелярским языком. Лично мне довелось видеть горы этих брошюр на этажерках в конторах колхозов и в председательских кабинетах, в красных уголках и избах-читальнях — ни разу не раскрытых, запыленных... Потерял как-то крестьянин интерес к подобным брошюрам. Сколько их было, брошюр таких, например, о выгодности кукурузы перед клевером в условиях Вологодской и соседних с нею областей!

Да и, кроме того, как гласит народная мудрость, лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать...

Я не знаю, учитывали ли все это клепиковцы, а вместе с ними партийное и советское руководство края, одобрявшее их инициативу, но уверен, что путь они нашли правильный. Да, собственно, они его и не искали: сама жизнь подсказала. А в жизни было так, что М. И. Клепикову и его ближайшим помощникам то и дело приходилось выезжать в колхозы и совхозы края и показывать свои агротехнические приемы...

Теперь показывать будут 480 бригадиров, агрономов, механиков.

Это уже сила!

Кроме того, в крае уже 34 колхоза и совхоза высокой культуры земледелия. Надо думать, что руководители этих хозяйств тоже не будут сидеть сложа руки. А опыт у них огромный. Взять хотя бы тех же председателей колхозов «Маяк революции», «Кавказ» и имени Ленина, Героев Социалистического Труда Б. В. Филатова, А. П. Хомякова и М. Е. Анненко, в чьих хозяйствах мы побывали. Каждый из них сочетает в себе и агронома, и зоотехника, и экономиста, и опытного руководителя, и государственного деятеля.

Но посмотрим, как на деле выглядит заповедь передовых: «Умеешь сам — научи другого». Бригадир из колхоза «Красный Октябрь» Усть-Лабинского района В. Е. Не-

чаев рассказывал на упомянутом уже съезде бригадиров края:

«Учителя, наставники наши, своих сил не жалели. Провели совместное собрание механизаторов, партийное собрание. Агроном Тищенко, механик Вихрев, а также сам Клепиков провели с нашими колхозниками до десяти занятий по агротехнике возделывания основных культур, рассказали о приемах обработки почвы, сева, ухода за посевами, которые позволяют им собирать неизменно высокие урожаи.

Их механизаторы были у нас в мастерских, а затем на полях продемонстрировали свое высокое мастерство регулировки механизмов, пахоты, сева...

Наши механизаторы в короткий срок переоборудовали или дооборудовали бороны, культиваторы, сеялки по методу клепиковцев...

А главное — мы увидели и глубоко поняли, что клепиковцы — это мастера высокого класса и великие труженики, что в их бригаде нет места разгильдяйству, что там — высокая сознательная дисциплина, строгий контроль и спрос за порученное дело...

Теперь у нас ни один механизм без точнейшей регулировки в поле не выходит. Малейший брак в работе — чрезвычайное происшествие...»

По-моему, рассказ этот — достаточно убедительное свидетельство в пользу движения «Умеешь сам — научи другого».

Нашей группе, к сожалению, не удалось познакомиться с М. И. Клепиковым лично, но зато мы были в бригаде — не менее знаменитой на Кубани — Анны Васильевны Череповой. А знаменита эта бригада тем, что вот уже восьмой год работает на аккордно-премиальной оплате. Председатель колхоза А. П. Хомяков об организации труда в этой бригаде рассказал так:

— Людям сказали: вы будете работать по-коммунистически — один за всех, все за одного. Всякие нормы — побоку... Учитываться будут только выхододни. Уравниловка? Нет. Более квалифицированный труд будет оплачиваться лучше за счет начисления дополнительной оплаты за классность и за стаж...

И что же? Оказывается, коммунистический труд намного производительнее! Прибыль увеличилась в 2,5 раза, а число членов бригады сократилось с 96 человек до

48. На следующий год мы перевели на такую систему еще три бригады — в двух не получилось. И сами коллективы не были готовы к такому шагу, и руководители не сумели стать их душой. О-о, талант руководители при такой системе, его авторитет имеют решающее значение! Познакомьтесь с Анной Васильевной Череповой — убедитесь в этом. Одним словом, то, как работает и живет бригада Череповой, вполне можно назвать прообразом будущего.

Естественно, нам захотелось, хотя бы одним глазом, взглянуть на это будущее.

Анну Васильевну мы нашли на полевом стане, хотя был выходной день. Немолодая уже — мне показалось, что ей за сорок, — среднего роста, скорее полная, чем худая, с сосредоточенным, я бы сказал, проникающим в душу взглядом, — чувствовалось, что Анна Васильевна умеет быть строгой, — и в то же время с готовой всегда улыбкой, она сразу располагала к разговору, естественному и ненапряжному. Сели в тени деревьев за круглые столы, сооруженные на бревенчатых тумбах, вкопанных в землю. Нам захотелось услышать о бригаде от нее самой. И вот что она нам рассказала (понятно, что я приведу лишь те слова, которые успел записать, но они, на мой взгляд, передают самое главное):

— Поначалу очень трудно было. Хотя и верили мне люди, но... ждали, что покажет год. А год показал, что заработки у нас не только не ниже, а даже выше, чем в других бригадах.

Выросла производительность труда. У людей появилась вера, а вместе с ней — озабоченность, заинтересованность. Все стали думать, как выполнить ту или иную работу быстрее, лучше, с меньшими затратами. И вот оказалось, что можно обойтись без прицепщиков. Что на севе выгодно применить агрегатирование — выполнять сразу несколько операций: высевать семена, вносить удобрения, шлифовать посев и т. д.

Были переоборудованы и комбайны. К ним приспособили дополнительные бункеры и протравочные аппараты, что позволило использовать их для подвозки семян к сеялкам. На уборке применили групповой метод, на пять комбайнов оставили всего лишь шесть человек — шестой подменный, — от помощников отказались. Отказались также и от услуг кузнеца, стекольщика: нехитрое, мол, дело — сами справимся.

Коллективизм — не на словах, а на деле — стал нор-

мой наших взаимоотношений. И это, может быть, самое главное, самое ценное наше достижение. Например, остановился трактор чей-то или комбайн. Раньше как было? Остановился — ну и стой, жди летучку. Теперь нет. Теперь сразу же кто-нибудь бежит к остановившейся машине, выясняет, в чем дело, и, если надо, зовет остальных, и все вместе приступают к ремонту. Или на уборке урожая. Все — вплоть до сдачи зерна на элеватор — мы делаем сами. В наших интересах сдать зерно кондиционным, поэтому каждый делает свое дело на совесть. Если надо — мы не считаемся с временем, работаем и в выходные дни.

Восьмой год работаем мы по-новому. И кажется нам, что наша аккордно-премиальная система — это лучшее, что можно придумать. Спросите сейчас наших людей, кто хочет по-старому работать, — ни один не согласится. Не найдется у нас и такого, кто пожаловался бы, что его неправильно рассчитали. Да оно и понятно! Зарботки у нас выше, чем в других бригадах. И те, кто поначалу откровенно посмеивался над нами, не верил в наш успех, теперь просят к нам в бригаду, а мы не берем, потому что если взять, то вместо кого-то, а у нас никакой текучки нет. Правда, одного пришлось взять — председатель настоял. На перевоспитание. И что бы вы думали? Этот любитель выпить и лентяй, как говорится, шелковым у нас стал! Из других бригад, случается, в отрезвитель попадают, из нашей — нет... Потому что мы и в праздники — вместе. Как одна семья. Овощи, фрукты — все у нас свое. Излишки бывают — реализуем. Деньги — в общую копилку. Недавно взяли да сшили всем женщинам платья. Одинаковые! Так нам захотелось. А если кто строиться надумал — тоже всей оравой приходим помочь. А уж фундамент заложить — обязательно! Ну, а мне как бригадиру приходится и жен с мужьями, и мужей с женами мирить. Ежели человек не в настроении — какой же он работник, у него же из рук все валится...

Слушал я Анну Васильевну и думал: «Да, это действительно прообраз будущего». Но в чем все-таки «секрет» ее успеха? Может быть, в особом внимании к ней со стороны правления? Но Анна Васильевна, словно предвидя такие подозрения, сказала: «Никаких особых, парниковых условий у нас не было и нет». Яснее ясного! И все-таки в других-то бригадах аккордно-премиальная система не прижилась.

Леонид Иванов на это заметил мне:

— Просто Анна Васильевна умный, талантливый человек. Она при любой системе добьется хороших результатов.

Что же, возможно, это и так.

Но если это так, если от бригадира, от его ума, его организаторских способностей, его общей культуры и образованности, его характера, наконец, так много зависит, то вывод напрашивается сам собой: надо укреплять это звено колхозного руководства. Решающее звено — так признано всеми.

Думается, что у кубанских колхозов имеются для этого неплохие возможности: грамотной молодежи со средним образованием и специальным высшим (я имею в виду агрономов, зоотехников, инженеров) здесь несравненно больше, чем, например, в колхозах Северо-Запада или Центра России.

Больше-то больше... Но зато и поля здесь пошире. И поэтому сказать, что для руководителей кубанских колхозов совершенно не существует проблемы миграции сельской молодежи, было бы неправдой.

Г. С. Золотухин, первый секретарь Краснодарского крайкома, рассказывая нам о росте экономики и культуры кубанских колхозов, между прочим, выразил уверенность, что лет через 10—15 молодые люди будут стремиться не из деревни в город, а наоборот... И главную роль тут, по его мнению, сыграют не клубы — их на Кубани и сейчас уже достаточно, — главную роль сыграет характер труда, уровень его механизации. Особенно в животноводстве.

И привел пример. Еще совсем недавно в колхозах были свинари и свиноводы. Всем известно, как они работали. Теперь такой профессии во многих колхозах нет, теперь есть операторы специализированных откормочных цехов, откармливающие по 1500 — 2000 свиней сразу. Труд их стал более привлекательным, соответствующим уровню их образования, и проблема кадров для свиноводства перестала существовать.

Итак, механизация! Она должна сыграть главную роль в привлечении в сельскохозяйственное производство молодых, грамотных людей. Разумеется, никто не сбрасывает со счетов уровень заработной платы (на Кубани средний заработок колхозника уже приблизился к

среднему заработку рабочего — 90 рублей в месяц), квартирные и бытовые удобства и те же клубы, наконец, с их библиотеками, кинозалами, помещениями для занятий кружков и т. п.

Но главное — Г. С. Золотухин прав — в характере труда, в уровне его механизации.

Однако надо не забывать, что механизмы сами собой к молодым рукам не прилипнут. Надо побеспокоиться — и вовремя! — чтобы ребята не только изучили их, но и привыкли к ним буквально с детства, полюбили их.

И тут решающее слово — за школой.

Я не могу не рассказать, хотя бы в общих чертах, об опыте воспитания у ребят любви к технике, к сельскохозяйственному труду вообще, об опыте, который накопила родниковская школа, где директором Щербаков Александр Алексеевич (колхоз «Маяк революции»).

Ну, во-первых, А. А. Щербаков сообщил нам, что, когда решением министерства было ликвидировано «производственное обучение», его школа и еще две другие в районе решению этому, мягко говоря, не подчинились, потому что убедились в перспективности начатого дела, а главное — в его необходимости.

Убеждены в этом были и руководители колхоза, и, в отличие от многих других, проявивших недалекость, не отмахнулись от нужд школы, а помогли ей создать соответствующую базу, выделили тракторы и машины, оборудовали мастерские, поскольку понимали, что, объясняя на пальцах, любви к технике ребятам не привьешь. Причем технику выделили не списанную («на тебе, боже, что мне негоже»), а вполне исправную и даже новую. И в этом проявили настоящую мудрость: в самом деле, можно ли рассчитывать на ребячью привязанность к трактору, например, если он до крайности изношен, непривлекателен внешне, пригоден разве что па металлолом. Ничего, кроме страха перед ним, — то и дело оттапливается, ломается, глохнет, — такой трактор у пятиклассников-шестиклассников вызвать не может. А знакомая с трактором (колесным) ребята именно в этом возрасте. В возрасте, когда любая машина, в том числе и трактор, воспринимается как чудо, а возможность сесть в кабину, включить скорость и сжать в руках штурвал — как верх мечтаний, счастливейшее из мгновений!

Школа понимает психологию мальчишек и потому уже в пятом-восьмом классах (мальчишкам в это вре-

мя 11—15 лет) разрешает им сесть за руль МТЗ-50 или ДТ-20, а в девятом классе — уже за рычаги гусеничного трактора, за штурвал комбайна и автомобиля. Да не на полигоне только, а на поле. Звено из шести учеников 9—10-х классов (4 мальчика и 2 девочки) под руководством опытного бригадира обрабатывает 30 гектаров земли, пашет, сеет, убирает выращенный на этом участке урожай кукурузы.

Интересно отметить, что это самое «производственное обучение», суть которого — общение с техникой и землей, самым положительным образом повлияло на успеваемость учеников по остальным школьным дисциплинам. Особенно преображаются, по словам директора, так называемые «трудновоспитуемые» ребята, наделенные, как правило, от природы живым характером, инициативой, потребностью что-то делать. Они с удовольствием садятся за руль и скорее других овладевают машиной.

Идя навстречу неумемному мальчишескому желанию работать на тракторах и других машинах, колхоз на летние месяцы посылает их в лагерь труда и отдыха, где на выделенном специально поле ребята все делают сами. Разбитые на звенья, они одновременно учатся быть бухгалтерами и экономистами. Самым радостным, даже торжественным днем для них является день сбора урожая, выращенного своими руками. По этому случаю проводится и «Праздник первого хлеба», ритуал которого торжествен и по-настоящему волнующ.

Даже из этого беглого рассказа об опыте «производственного обучения», накопленном школой в станице Родниковской и колхозом «Маяк революции», видно, насколько оно целесообразно и жизненно необходимо. Замечу, что родниковцы — за раннее овладение ребятами техникой, с 5-го класса, а не с 9-го, как рекомендовалось.

Председатель сельсовета в станице Михайловской В. М. Кривочуров, когда я поделился с ним своими мыслями по этому поводу, сказал мне:

— Так же вот теперь с лошадьми: десятилетних мальчишек не отобьешь от лошадей, а семнадцатилетним говоришь: садитесь! — они не хотят!

Любопытное наблюдение, не правда ли?

И как тут не пожалеть, что ребятам до 17 лет не везде разрешают работать на тракторе, до 17 с половиной — на автомашине. Кого мы хотим растить из них — белорусов или настоящих мужчин?

ТЕПЕРЬ несколько мыслей, навеянных уже не землей, не пшеницей, а кубанской станицей, вернее, бытом сельских жителей Кубани, их культурой.

Что такое кубанская станица?

Жители Севера и Центра России, не говоря уже о Сибири, даже те, кто видел кино «Кубанские казаки», едва ли имеют более или менее точное представление о ней.

Окинуть взглядом станицу, оказывается, нельзя (если, конечно, исключить самолет): она слишком велика для взгляда и, кроме того, утопает в садах, а те, в свою очередь, скрыты за зелеными шторами пирамидальных тополей.

А сколько же, по-вашему, уважаемый читатель, жителей в станице? Пятьсот? Семьсот? Тысяча? Нет, не угадали! Для северо-русских деревень это вполне приличные цифры, для кубанских же станиц — совершенно неподходящие. Кубанская станица — это 8—12 тысяч населения! Ну-ка, прикиньте, сколько это дворов (или «хат», по-здешнему)? Да прибавьте к ним десятки общественных построек в центре станицы — Дворец культуры, школу, правление колхоза, магазины, больницу, детсады, гаражи, животноводческие помещения — и вы представите, насколько она широка, станица. При этом надо учесть, что улицы, особенно старые, ширины необыкновенной — казаки селились просторно, потому как земли хватало.

Станица Михайловская (колхоз имени Ленина), в которой мы побывали, раскинулась на 1960 гектаров! Улицы ее настолько длинные, что жителей окраин не очень-то и тянет по вечерам во Дворец культуры — далеко-вато...

Как и по всей стране, на Кубани сейчас всюду говорят о сселении, вернее, о перепланировке станиц. Разбросанность неудобна во всех отношениях: она является главным препятствием на пути «подключения» сельских жителей к благам цивилизации. В самом деле, попробуйте обеспечить такие станицы и водопроводом, и газом, и канализацией... Слишком накладно будет.

После перестройки станица Михайловская, как нам сообщил председатель колхоза М. Е. Анненко, будет занимать всего лишь 650 гектаров (вместо 1960 сейчас). В три раза меньше! Ясно, что многим станичникам волею судьбы придется тогда залезать под общую крышу, а может быть, и на второй этаж. И тут неизбежно встает вопрос: сколь широки должны быть те, общие крыши, сколь высоки этажи? Михаил Ефимович Анненко по это-

му поводу имеет твердое мнение: дома должны быть не более чем на восемь квартир.

— Почему именно на восемь, а не двенадцать? — спросили мы.

— Потому что каждый хочет, — ответил председатель, — чтобы возле дома, в котором он получит квартиру, у него был хотя бы небольшой, но свой участок земли. Подчеркиваю: возле дома! За чертой станицы он ему не нужен. Горожанин, естественно, не может этого требовать. Но в этом и состоит главное преимущество сельского жителя перед жителем городским: он живет на земле, и лишать себя удовольствия поковыряться в земле, когда выпадет свободная минута, он не хочет. Причем не ради дохода — именно ради удовольствия, а если хотите, и отдыха.

Я вот о себе скажу. Измотаюсь иногда до невозможности, дойду, что называется, до белого каления. А покопаюсь на участке двадцать-тридцать минут — только чтобы никто мне не мешал, — и усталость как рукой снимет, и настроение поднимается, и опять могу делать что угодно. Поэтому крестьянин, повторяю, не настаивает, чтобы участок был таким же, как сейчас (25—50 соток), он будет вполне удовлетворен и десятью сотками. А десять соток как раз и можно ему выделить, если в доме будет не более восьми квартир.

Сейчас, когда едешь по станичной улице, видишь: возле каждой хаты, буквально под окнами, оборудована зеленая беседка — по сооруженным в виде навеса жердочкам вьются густо зеленеющие виноградные лозы. Приятно отдохнуть в такой беседке. Приятно. И, я думаю, едва ли кубанский колхозник согласится отказаться от нее, переселившись в новые, многоквартирные дома, как и от садика, дарящего ему весной радостные дни цветения, а осенью налитые соком плоды. Да и зачем отказываться от всего этого, если оно дано самой природой, — столь благодатной здесь и щедрой. В вологодских или архангельских деревнях ни этого винограда, ни этих садов при всем желании не выходишь, но и там, я думаю, небольшой участок возле дома крестьянину не помешает. Да не так уж и скупа, безответна северная земля, чтобы ей нечем было порадовать человека, который захочет приложить к ней руки. Посмотрите, какие возле иных изб заросли малины, смородины, крыжовника... Наконец, могут на ней расти и просто цветы.

Центры кубанских станиц, можно сказать, уже сфор-

мировались. Украшением их являются построенные в недавние годы замечательные колхозные дворцы культуры па 1000—1500 мест. Сразу скажу, что таких дворцов, по крайней мере на Вологодчине, нет, да, видимо, и не будет. И не потому, что вологодские колхозы беднее, хотя и этот факт сбрасывать со счетов нельзя — затратить на строительство дворца 600—700 тысяч может далеко не каждый вологодский колхоз, — а потому, что тамошние села, даже после сселения в них мелких деревень (на Вологодчине еще недавно было более 12 тысяч населенных пунктов против 2200 в Краснодарском крае), все равно не будут столь многолюдными, как станицы, и такие огромные залы им будут просто не нужны.

А вообще меня лично очень порадовало, что кубанские колхозы не пожалели денег на строительство дворцов — этих современных храмов культуры. Кроме прекрасных зрительных залов с лепными потолками и фресками, они располагают просторными фойе для танцев, помещениями для библиотек, читальных залов, колхозных музеев, различных самодеятельных кружков и т. д. Рассказывали, что председатель колхоза «Маяк революции» побывал во Дворце культуры автозавода имени Лихачева в Москве, попригляделся к нему — уж больно хорош! — и построил в колхозе такой же.

Но и эти дворцы — не предел желаний кубанских колхозников. Аппетит, как говорится, приходит с едой. Михаил Ефимович Анненко, Герой Социалистического Труда, много лет уже стоящий во главе колхоза имени Ленина, сказал нам на этот счет следующее:

— У нас сейчас два миллиона свободных денег. Да, лишка, — согласился он с замечанием Леонида Иванова. — Миллиончик мы могли бы пустить сейчас в дело. На очереди строительство стадиона и плавательного бассейна, гостиницы... Да и жилые дома надо бы побыстрее строить. Но... некому сдать подряд! Существующие строительные организации и в малой мере не обеспечивают наших потребностей. Короче говоря, за пять предстоящих лет мы готовы вложить на благоустройство пять миллионов, но едва ли сможем это сделать: подрядчиков нет.

А строительство жилых домов — преимущественно индивидуальных — тем временем продолжается. Ветеран колхоза «Маяк революции» Кузьма Филиппович Еремышко рассказал нам, что до колхоза в станице Родниковской было всего шесть кирпичных домов, а сейчас,

как он выразился, есть целые «кирпичные улицы» благо, что кирпичи колхоз производит сам и всех желающих строиться обеспечивает ими полностью.

Хорошо это, конечно. Но невольно напрашивается вопрос: а как быть с этими домами, если станицу придется перепланировывать?

Вместе с изменением облика станицы изменились внешне и сами колхозники. Тот же К. Ф. Еремышко по этому поводу сказал:

— В отношении одежды — не различишь, где руководитель, где рядовой колхозник.

Впрочем, как мы убедились, не только в отношении одежды. Идет, к примеру, легковая автомашин по улице. Кто в ней едет? Не скажешь. Может быть, главный агроном, может, бригадир, а может, и рядовой механикатор. Кто-то из райкомовцев сказал:

— Дай нам сейчас 500 легковых машин па район — и завтра же все будут распроданы.

Приятно было отметить, что вместе с изменением быта, ростом благосостояния и культуры постепенно меняются, а точнее — складываются, формируются и новые обряды и обычаи, соответствующие современному, коллективному укладу жизни. И наиболее живучи, по-настоящему красивы, подлинно народны те из них, которые не придумываются заново, а продолжают, развивают то лучшее в смысле духовности и нравственности, что выработано народной мудростью на протяжении веков.

Именно этим привлекателен и в высшей степени действен новый обряд проводов в армию призывников, который, можно сказать, уже утвердился в колхозных станицах Курганинского района. К сожалению, мы этого праздника не видели, опоздали всего на четыре дня, но и в пересказе — довольно лаконичном и сдержанном — секретаря райкома КПСС В. А. Сурженко он предстал перед нами полным особого смысла и значения, с явно выраженным патриотическим звучанием, что, собственно, от такого обряда и требуется.

Все действие происходило на площади, буквально запруженной народом, хотя никто никого специально сюда и не зазывал.

Да и нет ничего удивительного в том, что люди пришли на площадь. Ведь действие-то, происходящее там, в своей глубинной сути касалось каждого: в армию уходили не просто ребята «из нашей станицы», — в армию уходили защитники Родины, а значит, защитники их

жизни, их счастья и благополучия. Кому-то эти парни были сыновьями и братьями, кому-то племянниками, кому-то любимыми, а большинству — просто знакомыми...

Вот они, еще по-юношески нескладные, но уже с солдатской отрешенностью во взглядах, стоят ровным строем перед земляками. За спиной у них трибуна, знамена, завоеванные колхозом в социалистическом соревновании. Звучат напутственные речи отцов и матерей, потом ветеранов войны и руководителей колхоза. Девчонки, стайкой стоящие неподалеку от трибуны, с явной грустинкой, вполне сейчас простительной, поют: «Вы слушайте, мы вас подождем...».

Председатель выходит перед строем новобранцев с саблей, зажатой в руках, и протягивает ее правофланговому. Тот принимает саблю, целует ее и передает стоящему слева товарищу. Ритуал повторяется... И так — до крайнего, стоящего слева. И хотя никто ребятам не говорил, зачем это надо — целовать саблю, оружие, теперь безнадежно устаревшее, однако все видели, как бледнели лица ребят от сознания значимости этого момента, его торжественности. Целуя саблю, ребята как бы клялись быть достойными славы русского оружия, славы прадедов и отцов, гарцевавших с этими саблями в ореоле победителей на улицах Парижа, Берлина и других городов Европы в ту — 1812 года — и в эту — Великую Отечественную войну.

Потом к строю новобранцев подходят матери и передают им из рук в руки небольшие мешочки. В них земля, которая их вскормила, и взрастила, которую им отныне защищать, а если потребуется, положить жизнь за нее. Забегая вперед, скажу, что солдаты хранят эти мешочки с родимой землей до последнего дня службы и, гордые, привозят их обратно домой.

Любопытная деталь последнего праздника. Вскоре после его начала пошел дождь. С громом и молнией! «Ну, думаем, испортит нам праздник... Разбегутся люди!» — рассказывал Василий Алексеевич Сурженко. Кое-кто из старичков, конечно, погрустил. А новобранцы даже с ноги на ногу не переступили. Они, кажется, не шелохнулись бы, начни даже камни падать с неба.

Не знаю, как кому, а мне обряд проводов новобранцев, нарисованный В. А. Сурженко, понравился. В нем, на мой взгляд, естественно и органично переплетается старое и новое, вызывает в душе будущего солдата са-

мые возвышенные чувства — патриотизм, верность Родине и долгу, преданность отцам.

Не меньшей значительностью и торжественностью обставлено сейчас на Кубани и рождение человека.

А вот свадьба еще не всегда и не везде проходит так торжественно. Когда мы были, например, в гостях у звеньевой Е. И. Таранухиной, она сказала нам, что недавно выдала замуж дочку. Мы поинтересовались, как проходила свадьба, и, к сожалению, ничего, кроме того, что со стороны жениха гостей было 80 человек и столько же со стороны невесты, не услышали. Правда, сам хозяин добавил, что гуляли несколько дней, что ему пришлось зарезать столько-то уток, и еще поросенка в придачу, купить несколько ящиков водки, ну и, конечно, запастись самогонкой...

Богатая свадьба была, ничего не скажешь. И, наверное, веселая... А вот торжественности ей, как видно, не хватало. Той самой торжественности, которая заставила бы молодоженов почувствовать значительность момента, проникнуться моральной ответственностью друг перед другом и перед обществом за будущую семью.

Я не случайно так много говорю об этом. Кубань, занимающая первое место в Союзе по урожайности, должна, мне думается, идти на несколько шагов впереди и в области культуры. Ее сегодняшний опыт — это завтрашний день всех колхозов страны. И нужно многое предусмотреть, чтобы, как выразилась одна из женщин из звена, работавшего на «расстановке» подсолнечника, «богатство не заколготило» людей, чтобы они не зарывались каждый в свою нору, жили полнокровной духовной жизнью, какую открывает им наш социалистический строй.

Сергей Васильевич Викулов

ТОЛЬКО ПЯТЬ ДНЕЙ

Редактор **И. В. Черняева**
Художественный редактор **Н. Л. Юсфина**
Технический редактор **Т. Ф. Клацова**
Корректор **Л. П. Королева**

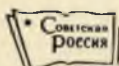
Кодированный оригинал-макет издания подготовлен на электронном печатно-кодирующем и корректирующем устройстве «Север». Подписан в печать 9/II-72 г. Формат бум. 84×108¹/₂. Физ. п. л. 1,75. Усл. п. л. 2,94. Уч.-изд. л. 3,05. Изд. инд. ХД-310. А03033. Тираж 30 000 экз. Цена 10 коп. Бум. № 2.

Издательство «Советская Россия». Москва,
пр. Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров
РСФСР, г. Электросталь Московской области,
Школьная, 25, Заказ № 2856.

10 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

В 1972 году в серии
«Письма из деревни»
выходят книги:

Бахарев А. Покоя не будет.
Дементьев В. Хлеб насущный.
Емельянов А. Старше хлеба нет.
Калинин А. Не для себя.
Конорев Л. Деревенские вечера.
Можяев Б. Самостоятельность.
Полторацкий В. Поклон идущему
вперед.
Почивалин Н. Чистые ключи.
Проханов А. Неопалимый цвет.
Солоухин В. Счастливый колос.
Ткаченко А. Агроном.
Черниченко Ю. Русский чернозем.

Над книгами серии «Письма из деревни»
работают писатели В. Астафьев, С. Бабаев-
ский, В. Белов, Н. Вирта, Ю. Галкин,
Ю. Грибов, С. Крутилин, В. Лихоносов,
Е. Лучинецкий, С. Никитин, Е. Носов,
П. Проскурин, Г. Радов, А. Фесенко, В. Шу-
гаев.